

АРТЕФАКТ & ДЕТЕКТИВ

В золотых часах,
принадлежавших
знаменитому
криминальному
авторитету, хранится
карта подлинных
сокровищ...

Ольга БАСКОВА

Брегет хозяина Одессы

Ольга Баскова
Брежет хозяина Одессы
Серия «Артефакт & Детектив»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51581238
Брежет хозяина Одессы / Ольга Баскова: Эксмо; Москва; 2020
ISBN 978-5-04-109584-0

Аннотация

Известный криминальный авторитет был настоящим хозяином Одессы. Его почитали, боялись, боготворили. Он, как Робин Гуд, грабил богатых и защищал бедных. За свою жизнь он скопил настоящие сокровища и укрыл в неизвестном месте, а карту спрятал в свои золотые часы, которые потерялись перед самой его смертью... С отцом – известным адвокатом – Сергей не общался с самого детства, когда тот бросил их с матерью. Поэтому когда Олег вдруг пригласил Сергея в ресторан, молодой человек сомневался, стоит ли ехать. Тем не менее он пришел на встречу – высказать родителю все, что о нем думает. А вскоре после этого отца убивают, и все улики указывают на то, что это сделал Сергей...

Содержание

Пролог	4
Глава 1	17
Глава 2	22
Глава 3	33
Глава 4	45
Глава 5	54
Глава 6	59
Глава 7	65
Глава 8	71
Глава 9	86
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Ольга Баскова

Брегет хозяина Одессы

Пролог

1918 год, между Киевом и Вознесенском

Дмитрий Молдавский, известный всей Одессе как Митька-Китайчик, первый и единственный бандит, запретивший своим людям убивать, сидел в вагоне, вытирая пот с желтого рябого лица, и напряженно размышлял. Как получилось, что он чуть не погубил своих людей, много лет служивших ему верой и правдой? Попытка их спасения обернулась гибелью для половины его отряда. Теперь он ясно понимал: его приход к большевистскому генералу Фомину был роковой ошибкой. Но в те далекие дни ему казалось, что единственный выход – не бороться против большевиков, не сдаваться и не дожидаться, пока они перестреляют всех его людей, а прийти к Фомину и предложить свои услуги. Он нервно усмехнулся, вспомнив вытянутое от удивления лицо генерала, когда король Одессы вошел к нему в кабинет.

– Вы Дмитрий Молдавский? – спросил Фомин, будто не веря своим ушам (минуту назад красноармеец доложил ему о приходе Китайчика).

Митька послал ему самую любезную улыбку. Вся Одесса знала его как очень вежливого и галантного человека. Угрозы он тоже умел произносить вежливо.

– Таки да, я, – ответил Китайчик, блеснув ровными белыми зубами, такими ровными, что позавидовала бы сама Вера Холодная. Фомин повернулся к молодому безусому красноармейцу, застывшему в углу большого кабинета, и коротко бросил:

– Обьщи его. Найдеши оружие – забери.

Митька снова усмехнулся, понимающе кивнул, будто ожидал, что Фомин именно так и поступит, и покорно поднял руки. Адъютант генерала, покраснев, не сразу решился прикоснуться к королю Одессы, о котором столько слышал. Еще бы, одесская беднота боготворила Митьку, называя Робин Гудом. Генералу не понравилось промедление подчиненного. Он увидел в этом уважение к бандиту.

– Что встал как истукан? – буркнул он. – Я же приказал – обьщи.

Красноармеец еще несколько секунд потоптался на месте, потом решительно шагнул к Митьке и принялся тщательно его обыскивать. Но у главаря одесских бандитов не было никакого оружия.

– Он чист, – отрапортовал адъютант и облегченно вздохнул.

Митька улыбнулся ему и подмигнул:

– Было бы верхом безумия прийти сюда с оружием. Я при-

шел с миром, генерал. Позвольте мне сказать, что послу-
жило причиной этого визита.

Фомин, слюнявя самокрутку, кивнул, пристально взгляды-
ваясь в лицо неожиданного посетителя:

– Я слушаю тебя.

Он не предложил Митьке сесть, словно подчеркивая раз-
ницу между ними. Пусть Китайчик и король Одессы, для
большевиков он самый настоящий бандит, которого давно
следовало бы расстрелять. Китайчик и глазом не моргнул,
продолжая как ни в чем не бывало:

– Да, я пришел без оружия, но не отрицаю, что оно у меня
есть – и в большом количестве. А еще у меня есть деньги –
тоже в большом количестве. Но самое главное – у меня есть
люди. И мы готовы служить большевикам.

Фомин в изумлении откинулся на спинку стула, издавшие-
го жалобный скрип. Его узкое лицо сначала покраснело, по-
том побелело. Казалось, он раздумывает, как действовать
далее. Никогда еще бандиты такого масштаба не предла-
гали свою помощь. Что же делать? Он вскинул серые глаза
на Митьку, который стоял перед ним как ни в чем не быва-
ло, пощипывая черные усы.

– Мне бы крайне желательно было услышать ваш от-
вет, – ласково заметил Китайчик, и генерал усилием стрях-
нул с себя оцепенение.

– Такие решения я не принимаю в одиночку.

Фомин лукавил. Ему не хотелось брать на себя ответ-

ственность в таком важном и необычном деле. Пусть решает высокое начальство.

– Подожди в коридоре, – буркнул он и повернулся к красноармейцу: – Выведи его.

Китайчик отметил про себя, что генерал не сказал. «Проводи», – и уголок его рта нервно дернулся. Его приход и выгодное предложение не заставили Фомина относиться к одесскому королю с бо€льшим уважением. Что ж, лишь бы начальник этого генералышки дал добро.

Он с достоинством вышел из кабинета, пропахшего ваксой и махорочным дымом, и прислонился к холодной стене коридора. Красноармеец не сводил с него взгляда, но в нем читались не гнев или пренебрежение, а любопытство. Подумать только, сам Митька-Китайчик к ним пожаловал! Сквозь неплотно прикрытую дверь кабинета доносились обрывки разговора. Фомин то и дело повторял:

– Да, товарищ Якир. Слушаю, товарищ Якир, – а потом, положив трубку на рычаги, пригласил Митьку и адъютанта.

– Не скажу, что я в восторге от твоего предложения, – он старался не смотреть Китайчику в глаза, – но мое начальство считает: следует принять его. Отныне твоя банда станет отрядом Красной армии. И горе тебе, если в твоей голове крутятся какие-нибудь идиотские мысли.

Стоило ли говорить, что генерал снова был вознагражден самой обаятельной улыбкой? Из здания Молдавский вы-

шел красным командиром и с высоко поднятой головой прошествовал по грязным одесским улочкам. Митьке дали отряд и назвали его довольно помпезно: «Пятьдесят четвертый советский отряд имени Ленина». Китайчик и сейчас усмехнулся, вспомнив об этом. Подумать только – две тысячи бандитов и головорезов – отряд имени Ленина! Он понял, почему Красная армия пошла на такой шаг. Тогда, летом 1919 года, создалась очень неблагоприятная обстановка для большевистского правительства. Белогвардейцы, словно опомнившись от многочисленных поражений, потянулись с Дона и Кубани, ударили по Харькову и отправились на Москву. Разумеется, чтобы их остановить, требовались большие силы. И Красная армия хваталась за любую возможность. Почему бы и не бандиты, раз они готовы помочь?

Их стали готовить к предстоящим сражениям. Несколько месяцев бандитов и головорезов обучали военному делу, проводили политзанятия, стараясь воспитать преданных граждан нового государства. Митька понимал, что это пустая затея. За годы грабежей у его ребят сформировалось свое видение мира. Они откровенно звали в лицо политкомиссарам, отлынивали от занятий, однако их прощали и строго не журили: вскоре им предстоял бой.

Когда они получили приказ отправляться на фронт, он, Митька, устроил прощание с Одессой-мамой. На родной Молдаванке Китайчик накрыл невиданное количество сто-

лов. Одесса гуляла до утра. Некоторые «бойцы» его доблестного отряда так напились, что перед отправкой их пришлось искать по разным хатам, но в поезд сели все – больше двух тысяч человек. По дороге вояки протрезвели, раздались недовольные возгласы: «Что ты придумал? Не станем воевать. Нам и в Одессе было хорошо». Митька, как мог, старался их удерживать, но его не слушали, прыгали прямо с поезда. До места назначения доехали всего семьсот человек. Правда, командир дивизии Якир ничего не сказал, видно, был рад и этому. Он коротко бросил Китайчику, что через несколько дней его ждет бой с петлюровцами. По глазам комдива было видно: он не верит в успех. Где уж отряду бандитов дать отпор хорошо вооруженным и подготовленным бойцам? Тем неожиданнее для всех стала победа «Пятьдесят четвертого советского отряда имени Ленина». Участники одесских стычек, его головорезы разгромили врага. Митька помнил: они радовались как дети, и только он, прислонившись к холодному морицинистому стволу вяза, хрустел пальцами от бессильной злобы, словно в безумии повторяя: «Это конец, это конец!»

Да, это конец, раз снова кровь. Он, не выносивший вида крови и всегда старавшийся избегать кровопролития, сам пришел к этому и оказался в кровавом кольце, вырвать из которого могла только смерть. Новая власть признавала только насилие, с ней невозможно было договориться.

С силой сорвав тонкую лозу с серебристыми листьями,

Китайчик побрел к своим, сознавая, что с ними ни в коем случае нельзя делиться собственными грустными мыслями. Они непредсказуемы, могут черт знает что натворить и только усугубить и без того печальное положение. О как он оказался прав! Красной армии победа не пришлось по душе. Сделать героями одесских бандитов? Об этом не может быть и речи, свора Китайчика способна отрицательно повлиять на остальных бойцов.

Конечно, больше всего боялись его самого. Он – одесский лидер, своего рода легенда, ему многие стремились подражать. Отстранить его от командования нельзя, значит, выход один – только убить, уничтожить – и как можно скорее. Когда вокруг идут кровопролитные бои, незачем забивать голову, как покончить с немногочисленным отрядом. Экс-головорезов ждал бой с батькой Махно. Китайчик с болью вспомнил, как отправлялись на него его люди – с достоинством, исполненные гордости. И только он чувствовал, что новое задание – это смерть.

И здесь интуиция не подвела. Его жалкий отряд столкнулся с многотысячным войском махновцев. Бывшие бандиты попали в мясорубку и дрогнули, побежали. Обещанное подкрепление, которого с надеждой ждали одесские головорезы, не пришло. Бывшие бандиты, в дыму и копоти, кричали хриплыми голосами:

– Измена! Измена! – А их бравый командир впервые в жизни не знал, что делать. В том, что случилось, он винил

прежде всего себя. Это было его решение – служить новой власти, и оно привело в тупик.

В том бою Митька потерял половину своих людей и словно обезумел. Он виноват в их гибели! Только он – и больше никто. Они доверяли ему, а он завел своих ребят в ловушку. На его руках кровь, которой он всегда боялся.

Митька зажмурился, словно горячее августовское солнце (ах как хорош август в Одессе!) выстрелило ему в лицо огненными лучами. Перед глазами, как живой, возник отец, затоптанный конем, не переносившим запаха алкоголя. В тот роковой день маленький Митя впервые увидел кровь и потерял сознание. Во второй раз ему стало плохо от ее вида, когда анархисты заставили его убить полицмейстера Одессы. Китайчик смастерил бомбу, которая разорвала ненавистного офицера в клочья. Тогда будущий король портового города дал себе клятву – никогда никого не убивать, и клятву эту сдержал. Сдержал до сегодняшнего дня.

Митька посмотрел в окно поезда, на убежавший унылый пейзаж, и подумал, что мог бы бежать. Его денег хватило бы на переход линии фронта. А потом – за границу, к любимой жене Саре... От этих мыслей его передернуло. Да, он бандит, головорез, но не подлец. Вот так оставить своих людей, которых сам же завел в ловушку... Нет, если суждено погибнуть, он примет смерть с честью...

В разгоряченном мозгу снова закружились воспоминания. После неудачного боя его вызвал генерал Фомин, приехавший

в штаб, и был с ним подчеркнуто вежлив. Китайчик понял, что подтвердились его худшие подозрения. Большевистский начальник говорил о новом задании для его отряда, но Митька знал: никакого нового задания не будет, их уничтожат. Уничтожат по дороге, раздавят, как клопов. Выйдя от генерала, бросившего напоследок на бандита убийственный взгляд, Китайчик собрал оставшихся в живых людей и приказал им возвращаться домой.

– У меня к вам одна просьба, – сказал он на прощание, – помните о том, что убивать – это плохо. Если вы продолжите бандитствовать, пусть все будет без кровопролития. Кровь никогда не приводит ни к чему хорошему.

Изнуренные последним боем, его люди с жалостью смотрели на своего командира. Они понимали: Митька что-то придумал и ценой собственной жизни спасает их. Вперед выступил головорез по кличке Атаман, украшенный боевыми шрамами, полученными еще в стычках на улицах Одессы.

– Ты разве не с нами? – коротко спросил он Китайчика. Митька покачал головой. Ветер взъерошил его черные, с ранней проседью волосы.

– Нет, у меня своя дорога, прощайте. – Он резко развернулся и быстро пошел, стараясь не оглядываться. Все бросились за ним.

– Мы не оставим тебя. – Атаман, поравнявшись с командиром, положил ему на плечо тяжелую загорелую руку. – Скажи, что ты задумал? Знаешь, я все равно не отстану.

Китайчик улыбнулся. Да, кто-кто, а он знал Атамана как облупленного.

– Хочу постараться спасти хоть кого-нибудь, – признался он. – Гибнуть всем нет смысла. Если хочешь – пойдём со мной, но учти: это верная смерть.

Атаман усмехнулся, обнажив щербинку между желтыми от махорки передними зубами:

– А какая наша жизнь? Все равно или пуля догонит, или шашка. Днем раньше, днем позже – какая разница? Я свое отжил. Говори, что собираешься делать.

– Мне бы еще две сотни, – Митька оглядел столпившихся возле него подельников. Все они выразили готовность погибнуть вместе с ним.

– Это бессмысленно, – ответил Китайчик. – И в таком случае я, как ваш командир, которого никто не снимал, сам приму решение.

Он отобрал сто сорок преданных, много лет служивших ему верой и правдой людей, остальных отпустил домой, а на следующий день остатки его отряда, знавшие о дерзком плане короля, погрузились в поезд. На полдороге Митька с револьвером ворвался к машинисту, приставил холодное дуло к виску растерявшегося старика и крикнул:

– Гони в Одессу, быстро!

Дрожавшими руками побелевший машинист еле справился с управлением.

– На Одессу? – уточнил бандит, не отнимая револьвер.

Старик закивал, большая голова с включенными седыми волосами затряслась на жилистой шее. Китайчик усмехнулся, убрал оружие и похлопал его по спине:

– Молодец!

– До Одессы ведь не доберемся, – пробурчал машинист.

– Не твое дело, отец, – Митька подмигнул, – гони домой.

Разумеется, он прекрасно знал, что родного города ему не видать как своих ушей. Но снова почувствовать себя свободным, как когда-то, пусть и ненадолго, – разве это не здорово? Митька изучал каждое дерево за окном, каждое поле, каждую речонку, каждую пожухлую травинку. Когда поезд резко затормозил, он дернулся и прошептал:

– Все кончено, – быстро сунул руку в холщовый мешок, достал буханку черного мягкого хлеба и, отрывая корочку, принялся прятать в мякише дорогую ему вещь – золотые часы, подаренные любимой женой. Они ни в коем случае не должны достаться большевикам!

Вскоре вагон наполнился криками, угрозами, топотом кирзовых сапог, через секунду на него смотрело узкое дуло винтовки, и молодой красноармеец, наверное его ровесник, крикнул так, что заложило уши:

– Выходи из поезда!

Король Одессы покорно исполнил приказание. Теперь его могло спасти только чудо... Но чудеса в жизни так редко бывают! Почему бы в таком случае еще раз, пусть последний, не испытать судьбу? Когда-то она была к нему очень

даже благосклонна.

Спустившись, Митька увидел большой вооруженный отряд красноармейцев, отбиравших оружие у его людей. Его ровесник, не опуская винтовку, снова буркнул:

– Ты арестован!

Митька опустил голову, словно со всем соглашаясь, потом, уловив момент, когда красноармеец, не ожидавший от него дерзости, отвлекся, нагнулся и быстро побежал вдоль поезда. Краем глаза он видел, как за ним рванул один из его людей, но тут же упал, пытаясь зажать рану на груди. Китайчик ускорил бег, уворачиваясь от пуль, свистевших вдогонку, и, нырнув под товарняк, выскочил с другой стороны. Он увидел, что на небольшом холмике сидит бедно одетый мальчик лет десяти, по виду – беспризорник, и, размахнувшись, бросил ему буханку:

– Держи, шкет. И вспоминай Митьку-Китайчика!

Мальчик, сначала дернувшись от испуга, замотал головой, потом протянул руку за буханкой, упавшей между рельсами. Это все, что успел заметить Дмитрий Молдавский. Одна из пуль, щедро раздаваемых красноармейцами, настигла его, и он упал, уткнувшись побелевшим лицом в пропахшие маслом шпалы. Его преследователи издали радостные возгласы и подбежали к телу, не обращая на мальчишку никакого внимания. А тот, удивленный, осторожно доставал из буханки золотые часы. И, разумеется, никто не заметил, как какой-то мужчина, неведь откуда взявшийся, подбе-

жал к ребенку, с силой толкнул его, вырвал часы из тонкой прозрачной ручки и в мгновение ока растворился между составами.

Глава 1

Вознесенск, 1965

Эмилия Ефимовна открыла старый кошелек из коричневого кожзама, который когда-то покойный муж подарил на день рождения (лучше бы деньги подарил), взглянула на его жалкое содержимое и сокрушенно вздохнула. Утром позволила невестка и безапелляционным тоном заявила, что придет к ней внучку Галю на осенние каникулы. Стерва, как была, так и осталась, правильно сынуля ее бросил. Правда, и лучше не нашел, его меняющиеся любовницы – хабалки какие-то необразованные, работают черт знает кем, поговорить с ними не о чем. Да и внешне кошмар какой-то – сразу видно, что легкого поведения.

Одна даже к ней приезжала, коза облезлая, наверное, надеялась, что приглянется и мать заставит сына жениться. Как же, разбежалась! Даниил сам не ахти зарабатывает, матери помочь не может, она на грошовую пенсию перебивается. Впрочем, иногда он подкидывает рубликов пять, когда ему халтурка какая подвернется, скажем, коллега по институту зовет вагоны разгрузать. В этом месяце ничего не подкинул, поэтому в кошельке жалкая десятка от пенсии осталась, завтра Нинка, внучка, придет, хотелось бы ее чем-нибудь вкусеньким побаловать, да не один денек,

а недельку, да вот на десятку-то не шибко разгуляешься. Само собой, придется на рынок ехать, а цены там кусаются. Эмилия Ефимовна поправила платок на голове, нахмурилась и тяжело поднялась с дивана. Придется опять идти к соседу, часовщику Моисею Григорьевичу Гольдбергу. У него – и это знали все в округе – всегда водились деньжата. Это и неудивительно. Во-первых, профессия прибыльная. Сейчас часы, что наручные, что настенные, в каждом доме. Для любого человека часовщик почти небожитель. Сломаются часы – он вскроет их при помощи специальной отвертки, заглянет внутрь и, натянув на лоб шлем с увеличительным стеклом, начнет колдовать над механизмом, ковыряя его какими-то причудливыми инструментами. Это надо же – знать, как работает каждая пружинка, каждое колесико. Такой труд, безусловно, заслуживал уважения и денег.

Женщина знала, что Гольдберга соседи часто сравнивали с ювелиром, и, как ни странно, такое сравнение ему не нравилось. «Ювелир имеет дело с безжизненным куском золота или камнем, – отвечал он, – я же – с живой вещью».

Во-вторых, он один как перст, жена давно умерла, детишек не нарожали, иногда племяннице подкидывает, да она не слишком нуждается, взрослая уже, замужем. Муж по виду человек солидный, чай, не бедствуют.

Кряхтя и потирая большую поясницу, отозвавшуюся тупой болью, пожилая женщина вышла во двор и направилась к дому Гольдберга. Она нисколько не сомневалась, что сосед

ей не откажет. Сколько лет друг друга знают, дома бок о бок стоят, да и не обманывала она его никогда, всегда возвращала с пенсии. Поднявшись на крыльцо, Эмилия Ефимовна постучала в дверь, обитую кожаны́м дермати́ном, и прислушалась. Обычно через минуту слышалось шарканье, и Моисей Григорьевич с неизменной широкой улыбкой открывал дверь. Сегодня он что-то не спешил. Эмилия Ефимовна постучала еще раз, прикинув к холодному дерматину. Там, за дверью, никто не торопился открывать, не шаркал, не пыхтел, и пожилая женщина, спустившись с крыльца, поплелась за дом, где у Гольдберга был маленький огород.

– Моисей Григорьевич! – позвала она с капризной ноткой в голосе. – Вы где, Моисей Григорьевич?

Старый часовщик не отозвался, Впрочем, она и сама скоро увидела, что там никого нет, лишь наглые вороны копошились в блеклой слежалой листве, пытаясь отыскать в ней что-то привлекательное только для их вороньего сообщества.

– Может, вышел в магазин?

Она прислонилась к стволу старой кривой сливы, словно пытаясь укрыться от холодного осеннего ветра. Небольшой гастроном находился совсем недалеко, на соседней улице, если часовщик отправился за продуктами, то не пройдет и двадцати минут, как он вернется. Эмилия Ефимовна закрыла глаза, будто задремала. Завтра нужно Нинку встретить, узнать, когда ее автобус приходит, а сегодня

сбежать на базар, купить курочку домашнюю – внучка очень любит куриную лапшу, взять говядинки и свинины, котлетки пожарить. Хорошо, что картошка и лук у нее свои, с огорода, картошечка рассыпчатая такая после варки, маслом заправишь – за обе щеки трескает внученька.

Так, в своих мыслях, женщина простояла больше двадцати минут, а потом, с трудом оторвавшись от ствола, удивленно огляделась по сторонам. Странно, но часовицик не появлялся. Может быть, отправился к племяннице? Да нет, как-то он разоткровенничался с ней и рассказал, что в дом к племяннице ни ногой – мужа ее не терпит.

Эмилия Ефимовна снова подошла к крыльцу соседа и посмотрела на окно, завешенное белым тюлем. Ей показалось, что занавеска шевельнулась. С завидной быстротой она рванула к дерматиновой двери и дернула за ручку. К ее удивлению, дверь открылась с каким-то жутким скрипом, и пожилая женщина вошла в темный коридор. Странно! Моисей Григорьевич всегда запирает дверь. Может быть, ему стало плохо? Эмилия Ефимовна заторопилась в гостиную:

– Моисей Григорьевич, вы где?

Тишина, страшная, липкая, окутала ее, словно паутина, и соседка почувствовала дрожь в коленях.

– Моисей Григорьевич! Что с... – споткнувшись о что-то, лежавшее на полу, женщина остановилась как вкопанная. Часовицик лежал на ковре, неестественно подогнув правую ногу, широко раскрытые невидящие глаза уставились в по-

толок. Соседка охнула и побежала в сад, хромя, как подстреленная птица.

– Гольдберга убили! – истошно закричала она, и в ответ ей каркнула ворона. – Убили, убили!

Эмилия Ефимовна заскочила в свой дом и, схватив трубку телефона, быстро принялась набирать короткий номер. Руки ее дрожали, пальцы не слушались, но она поборолась дрожь и, когда в трубке раздался суровый голос: «Милиция», – выпалила:

– Человека убили! Скорее приезжайте!

Глава 2

Южноморск, наши дни

Сергей Ивашов бегло пересмотрел дело, с которым собирался выступать в суде, и взглянул на большие стенные часы, оставшиеся от прежнего арендатора офиса, тоже адвоката. Его всегда удивляло, почему предшественник вынес все, что приобрел за пять лет работы, оставив только эту вещичку? Может быть, она не вписывалась в интерьер его нового загородного дома? Или они мешали ему спать, добросовестно отбивая каждый час? Как бы там ни было, Сергей не возражал. С часами он нашел общий язык, порой разговаривал с ними, советовался, делился переживаниями. Вот и сегодня, убрав в шкаф дела, он коротко сообщил:

– Все, дорогие мои, рабочий день окончился. Мой, по крайней мере.

Часы ответили дружелюбным тиканьем. Подойдя к двери, Ивашов окинул взглядом маленькое помещение, всю обстановку которого составляли лишь письменный стол и два стула – для него и для клиентов, – дернул на себя позолоченную ручку, и в этот момент зазвонил телефон.

– Интересно, кому я понадобился в такое время? – Ивашов, выудив мобильный из кармана, посмотрел на дисплей. Незнакомый номер. Кто это? Новый клиент? – Слушаю, –

четко произнес он, и на том конце сразу отозвались:

– Сережа, здравствуй.

Голос был мужской, сочный, незнакомый, и Ивашов растерянно ответил:

– Здравствуйте. А с кем я разговариваю?

Мужчина заволновался, задышал:

– Только прошу тебя, не отключайся, выслушай. Я твой отец, Сережа.

Ивашов хихикнул, сразу придя в себя. Вот те на, папаша объявился! Восемнадцать лет не желал знать о его существовании, уйдя к другой женщине, когда Сергею исполнилось десять, а теперь в почтенном возрасте в нем пробудились отцовские чувства. Или он хочет, чтобы сын представлял его интересы?

Сергей частенько слышал фамилию родного папаши, своего коллеги, из советских милиционеров переквалифицировавшегося в адвоката, ставшего довольно известным, завсегдаем светской хроники города. Смешно предположить, чтобы он решился обратиться к сыну за юридической помощью.

– Я вас слушаю, – выдавил молодой человек, стараясь вложить в эту фразу все свое презрение.

– Сережа, не отказывайся, давай встретимся, – быстро заговорил Ивашов-старший. – Если ты на меня в обиде, прости за все. Ты мне очень нужен, мой мальчик. Я попал в сложную ситуацию и только тебе могу довериться. Жду тебя в кафе

на Екатерининской через полчаса. Мне известно, где твой офис. Кафе в двух кварталах от него.

Он отключился, не дав сыну прийти в себя и не принимая возражений. Сергей немного постоял в раздумье, потом закрыл дверь, спустился к своей машине – новенькому, взятому в кредит «Рено», и, усевшись на водительское сиденье, погрузился в раздумья.

Отец не зря боялся, что сын откажет ему во встрече: слишком подло он вел себя с матерью, да и с ним. Еле-еле дослужившись до капитана (после школы у него не было возможности поступать на юрфак, пришлось довольствоваться средней школой милиции), отец через некоторое время решил все же штурмовать университет. К удивлению семьи, его взяли, без всякого блата и денег. Сначала папаша поступил на заочный, думая продолжить работу в милиции, но это у него не получилось. Прежняя должность оперативника требовала полной отдачи, отец уволился и перевелся на дневной. Все заботы о семье легли на плечи матери, хрупкой маленькой женщины, работавшей медсестрой в городской поликлинике. Она взяла две ставки, кроме того, ходила по домам, делая уколы лежачим больным. От непосильной ноши женщина еще больше похудела и как будто стала меньше ростом. И папаша, здоровый красавец, с небесно-голубыми глазами и пшеничной гривой, стал посматривать на нее с неодобрением, а потом влюбился в однокурсницу, дочь прокурора, и ушел к ней, поставив мать в известность пись-

менно (наверное, духу не хватило сказать ей это в глаза). Так они остались одни. Когда у женщины в паспорте появился штамп о разводе, она усадила сына на старенький диван, обняла, прижала к себе и прошептала:

– Сегодня на суде я отказалась от алиментов. Не хочу иметь с этим человеком ничего общего. Он предал нас, понимаешь? А предателей не прощают.

Ивашов тогда мало понимал, что такое алименты. Его удивило, что лучшая подруга матери, тетя Света, каланча с соломенными волосами, возмущенно выговаривала ей:

– Ну и дура! Хочешь, чтобы он все тратил на свою Викуся? По-прежнему будешь горбатиться на две ставки? Кому ты что этим доказала?

Мать качала головой:

– Пусть так, но мне будет спокойнее. Единственное мое желание – никогда больше о нем не слышать. Я запретила ему приближаться к сыну.

– Ну и дура! – повторяла каланча. – Им только этого и надо!

Совсем не слышать об отце не получалось. Общие знакомые рассказывали, что после университета он не вернулся в милицию, устроился в адвокатуру – и дела пошли в гору. Ставший адвокатом на развалинах Союза, он защищал всех без разбора, в том числе и криминалитет, и заработал неплохие деньги. Правда, его любимая Викуся сбежала от мужа, вечно якшавшегося с бандитами, но, похоже, он не горевал,

меня женщин, как перчатки. О сыне Ивашов-старший тоже не беспокоился, а мальчик ждал, что, вопреки запрету мамы, отец подкараулит его в школе, как делали некоторые родители, поведет гулять, подарит дорогую игрушку – он же теперь богатый! Но чуда не произошло, и Сережа вычеркнул его из своей жизни.

Самое паршивое, что он тоже хотел стать юристом, а после университета пошел в адвокаты, потому что ему нравилась эта специальность. Как назло, фамилию отца он стал слышать чаще. Его свадьбу – отец женился на молодой красивой модели Анфисе – показывали по местному телевидению. А для его сына в жизни богатого адвоката места по-прежнему не находилось. Полгода назад умерла мать от сердечного приступа, всего лишь пятьдесят три года – жить да жить. Но перенесенные страдания сыграли свою роль. Похоронив единственного близкого человека, Сергей еще больше ополчился на отца. Это он виноват во всем! Нет, никуда он не пойдет...

Подумав об этом, Ивашов включил зажигание и поехал в кафе против своей воли. Отец ждал его у входа, высокий представительный мужчина в отглаженных черных брюках и белой рубашке с коротким рукавом. Сергей много раз видел его по местному телевидению и всегда поражался, как ему в пятьдесят шесть удавалось выглядеть на тридцать восемь. Гладкая кожа на лице, без предательских морщинок, пшеничные волосы, лишь немного посеребренные сединой,

спортивная фигура без лишнего жира... Хорошая богатая жизнь помогала в этом отцу, не то что его несчастной матери!

Сергей нехотя вышел из машины, и Ивашов-старший бросился к нему, распахивая объятия:

– Здравствуй, сынок!

Сергей отстранился от него:

– Давайте без сантиментов.

Ивашов-старший засуетился, заволновался, побледнел:

– Да-да, конечно, сынок. Пойдем, пойдем, дорогой. – Его рука поднялась, словно он хотел похлопать Сергея по плечу, но тут же опустилась. Сын не желал принимать дружеские объятия. – Я заказал столик. Посидим, поговорим... Мне столько надо рассказать тебе...

Юркий менеджер, увидев гостей, засуетился:

– Ваш столик у окна, Олег Григорьевич.

– Это мой сын, будущий известный адвокат, – сказал Ивашов и тут же стушевался под грозным взглядом Сергея.

Менеджер послал молодому человеку самую приветливую улыбку:

– Мы очень рады вашему папе. С сегодняшнего дня и вы наш VIP-клиент.

– Давайте без фанатизма, – оборвал его Ивашов-младший. – Будьте проще – и к вам потянутся люди.

Менеджер скривился, будто проглотил ложку касторки.

– Разве я сказал что-то обидное? – произнес он.

Ивашов-старший поспешил исправить неловкость:

– Нет, Денис, все прекрасно. Сын не любит публичность.

Впрочем, в его возрасте я ее тоже не любил.

«В моем возрасте ты о ней еще и не мечтал», – хотел съязвить парень, но передумал. Они подошли к столику, накрытому выглаженной белоснежной скатертью. Белизной сверкали и приборы, и салфетки. Отец уселся за стол и подождал, пока его сын сделает то же самое. Весь вид Сергея говорил о том, что ему крайне неприятно это свидание. Разумеется, Олег Григорьевич это заметил, но старался не показывать виду.

– Выбирай любое блюдо, на цены не смотри, – напутствовал он сына. – Я тебя угощаю.

– Кажется, я дал понять, что мне не нравится благотворительность, – буркнул Ивашов. – Пожалуй, минеральной воды с лимоном будет достаточно.

– Сережа! – укоризненно отозвался Ивашов-старший. – Ну давай хотя бы раз забудем об обидах. Я знаю, что очень виноват перед тобой и перед твоей матерью. И знаю о ее смерти. Кое о чем Галя так и не узнала. Видишь ли, несмотря на ее запрет видеться с тобой, я часто подходил к школе, где ты учился, к университету и наблюдал, как ты взрослешь. Я не такой плохой, как тебе кажется, хотя заслуживаю твоего презрения. Но, прошу тебя, выслушай меня. Мне, как никогда, требуется твоя помощь. Выслушаешь – а потом поступай как знаешь.

Сергей вздохнул и огляделся. За столиком, находившимся возле сцены, компания из десяти человек что-то бурно от-мечала. Вероятно, для них громко включили музыку, и она была по барабанным перепонкам, раздражая и мешая сосре-доточиться. Откуда ни возьмись появился аниматор в пош-лом костюме Микки-Мауса и стал крутиться не только возле компании, но и около других столов, в том числе и их. Офи-циант принес бокалы на тонких ножках, слегка запотевшие, и отец виновато посмотрел на Сергея:

– Извини, но я заказал шампанское. Сегодняшний день – не для минеральной воды.

– Вы решили, что я буду с вами пить? – усмехнулся Ива-шов-младший. – Значит, погорячились. Говорите, что вам от меня нужно, и я пошел. У меня еще дел по горло.

Аниматор крутился возле них, будто стараясь подслу-шать, о чем они говорят, и Олег Григорьевич торопливо за-шептал:

– Подожди, сейчас он уйдет, и я все скажу.

Микки-Маус удалился, размахивая руками, Олег Григо-рьевич взял бокал за тонкую ножку и, приглядываясь к зо-лотистому цвету шампанского, произнес:

– Давай все же выпьем. Ты расслабишься и выслушаешь меня. А сейчас у тебя такой вид, будто я посадил тебя в клет-ку с тиграми.

– Я же сказал: пить не буду, – повторил Сергей. – Хочешь – говори, не хочешь – я уйду.

– Хорошо. – Ивашов-старший поставил бокал и потянулся к сыну, но тут зазвучала восточная музыка, и откуда-то выпорхнула девушка в восточном костюме, прекрасная, как героиня сказок «Тысяча и одна ночь», и, подскочив к столу отца и сына, начала умопомрачительный танец живота. Микки-Маус старался повторять ее движения. Девушка была так хороша, что на минуту Сергей забыл о ненависти к отцу и восхищался каждым ее движением. Когда музыка внезапно оборвалась и прекрасная Шахерезада скрылась за кулисами, он повернулся к отцу.

– Ну, я тебя слушаю.

– Сережа, несмотря на все, что произошло, ближе, чем ты, у меня нет человека, – начал Ивашов-старший. – Если со мной что-то случится, я не хочу оставить тебя ни с чем.

– Ах, вот оно что... – Сергей встал так резко, что на столе звякнули приборы. – Дорогой так называемый папа, вы не знали меня восемнадцать лет, и я от этого не умер, хотя только с годами понял, как была права мама, не желавшая нашего общения. Вы предали нас, а предательство – страшный грех. Теперь вы хотите купить мое расположение, но мне ваши деньги не нужны. Оставьте наследство очередной жене, которая ради него и вышла за вас. Я же не возьму ни копейки.

Отец покраснел и нервно скомкал салфетку.

– Сережа, ты не дал мне сказать, – запинаясь, выдавил он. – Дело не только в наследстве... Я хотел поделиться с

тобой...

– Не надо, умоляю, – Ивашов открыл бумажник и бросил на стол пятитысячную купюру. – Сегодня я угощаю. Прощайте. Вы поняли? Именно прощайте, а не до свидания.

– Сережа... – отец порывался встать, но назойливый Микки-Маус усадил его обратно. Покидая зал кафе, молодой человек увидел, что Ивашов-старший дрожащими руками поднял бокал и поднес ко рту.

Оказавшись у машины, он нервно открыл дверцу и забрался на водительское сиденье. Его так трясло от гнева, что он не решился сразу включить зажигание. В таком состоянии нельзя ехать, необходимо хотя бы немного успокоиться. Сергей сжал кулаки так, что хрустнули суставы, и тихо выругался:

– Негодяй. Какой же негодяй!

Истошные крики словно перебили его мысли, непрошенными гостями влетели в салон, и Ивашов, подняв глаза, увидел, как из ресторана выбегают испуганные люди. Толпа вытолкнула на улицу и менеджера, державшего мобильный возле уха и старавшегося перекричать людей:

– «Скорая»? Приезжайте скорее. Одному из наших посетителей плохо.

Позже Сергей не мог объяснить, почему он сразу понял, что «Скорую» вызывают его отцу: всего несколько минут назад мужчина был вполне здоров. Какая-то сила будто подняла Сергея, вынесла из салона и подтолкнула к ресторану. Ме-

менеджер смотрел на него глазами, расширившимися от ужаса:

– Ваш отец! Ему внезапно стало плохо.

Молодой человек, как вихрь, влетел в зал и подбежал к столику, за которым еще недавно сидел с ненавистным ему человеком. Отец лежал на полу, на посиневшем лице застыло страдание, скрюченные пальцы словно продолжали царапать ковер, а на фиолетовых губах белела пена.

– Отец! – Сергей наклонился над ним, потряс за плечи, потом приложил палец к артерии на шее. Пульса не было. Менеджер топтался возле них, наблюдая за каждым движением.

– Где «Скорая»? – спросил молодой человек и вдруг заорал, не узнавая своего голоса: – Почему так долго?

Глава 3

Вознесенск, 1965

Следователь Геннадий Беспальцев, высокий худой мужчина с пронзительными серыми глазами, лучшие оперативники отделения – Максим Вдовин, блондин лет тридцати с круглым румяным лицом и волнистыми золотистыми волосами, чем-то напоминавший Есенина, но стихи его не любивший и злившийся, когда ему указывали на это сходство, Андрей Горемыкин, крепкий мужичок средних лет, уже начавший лысеть, и пожилой седой судмедэксперт Дмитрий Степанович Панков, которого все называли не иначе как Степаныч, склонились над трупом часовщика.

– Что ж, труп пожилого мужчины, – констатировал Степаныч, глядя на потерпевшего, и повернул голову покойника. – Смотри, Гена, на лице гематомы. Но это еще не все. Поглядите-ка сюда. – Длинным худым пальцем он указал на запястья с довольно заметными потемневшими пятнами. – Не иначе как следы от веревки.

– И не только, – перебил его Беспальцев, кивнув на вздувшиеся красные волдыри. – Это ожоги, правильно, Степаныч?

Судмедэксперт усмехнулся и почесал седую гриву. Горемыкин посмотрел на старика с завистью: вот как бывает

в жизни, ему уже за шестьдесят, а волосы густые, как у мальчишки, только белые. А ему едва стукнул сороковник – и уже не голова, а колено!

– Верно говоришь, – кивнул Панков. – Общение со мной тебя многому научило. Может, и вывод сам сделаешь?

– Вывод сделал бы и начинающий следователь, – Геннадий улыбнулся, показав ямочки на щеках. – Часовщика пытали. Судя по тому, что большие никаких следов ты не обнаружил, старик скончался от болевого шока. Шутка ли – такие пытки в его возрасте! Тут и у молодого сердечко может не выдержать. А вот кому и зачем понадобилось мучить Гольдберга и что хотели узнать – вот в чем вопрос, как сказал когда-то Гамлет.

– От ответов на подобные вопросы меня уволь. – Степаныч, кряхтя, поднялся с колен. – Это уже в твоей компетенции.

– Разумеется, – согласился Беспальцев. – Если что-то подбросишь после вскрытия – спасибо.

– Буду стараться. – Панков направился к выходу, чтобы вызвать санитаров. Вдовин, упаковав в целлофановый пакет пустой граненый стакан, который сиротливо стоял на столе, протянул его Степанычу, коротко бросив на ходу:

– Я в погреб. Уверен, обнаружу что-то интересное.

– Давай. – Геннадий уселся за стол и попросил Горемыкина пригласить соседку, обнаружившую тело, которая сидела на крыльце блее мела и, казалось, не понимала, что

происходит.

Андрей помог пожилой даме подняться, под руку завел в гостиную и, усадив перед следователем обезумевшую от горя и ужаса женщину, сунул ей стакан с водой, пытаясь успокоить. Эмилия Ефимовна продолжала дрожать, и зубы клацали о стекло, издавая звук, бьющий по нервам.

– Значит, вы давно с ним знакомы... – Беспальцев скорее уточнил, чем спросил. Соседка отставила стакан, вытерла губы тыльной стороной ладони и с готовностью кивнула:

– А как же? Считай, больше двадцати лет на одной улице живем. Раньше с моим покойником-мужем общался. Моисей Григорьевич – человек одинокий, бедняжка, ни жены, ни детей, один как перст. – Женщина всхлипнула, и слеза, покотившаяся по щеке, застряла в глубокой морщине. – Частенько к нам навещался чайку попить... А как муж умер... Реже мы стали видеться, сами понимаете, – она опустила глаза. – Я в основном к нему забегала... Сын у меня отдельно живет, внушка растет, уже четырнадцать ей, такой возраст, когда мальчикам нравится хочется. Сын у меня не много зарабатывает, кто ж, кроме бабушки, дитя еще побалует? Как приедет, сразу в магазин идем. Бывает, и платьице купим.

Геннадий недовольно поморщился и открыл рот, собираясь перебить свидетельницу. Он не любил беседовать с пожилыми одинокими женщинами, которые набрасывались на него с рассказами, воспоминаниями, забывая, что мили-

ционер пришел по другому поводу, и их приходилось останавливать, просить быть ближе к делу, а они обижались и порой замолкали, упрямо поджав губы. И никто не хотел понять, что у следователя времени в обрез, он стремится как можно больше выяснить и записать, чтобы потом обстоятельно доложить начальству. Ну нет у него возможности выслушивать о внуках и детях! Хорошо еще о внуках и детях – некоторые о собаках и кошках рассказывают, считая, что все это важно для следствия. Впрочем, с Эмилией Ефимовной ему повезло. Она махнула рукой и сама понеслась в правильном направлении.

– Я вам это к тому говорю, чтобы вы поняли: частенько у Моисея Григорьевича мне приходилось денежку просить, – проговорила женщина и покраснела. – Бывало, внучка должна приехать, а от пенсии почти ничего не осталось. Гольдберг, между прочим, мне никогда не отказывал. Да разве я одна была такая? – Эмилия Ефимовна усмехнулась. – Весь наш район знал: у Моисея Григорьевича деньги всегда водятся. Часовщики – они же вроде ювелиров.

Беспальцев придвинул к себе девственно-чистый лист бумаги и открыл колпачок чернильной ручки.

– Значит, много народу к нему ходило, – констатировал он. – А чужие, не ваши соседи, часто наведывались?

Эмилия Ефимовна подняла глаза кверху, будто вспоминая, и замотала головой:

– Были, были. Правда, мы, то есть соседи, к ним особо не

приглядывались. Думали – клиенты, Гольдберг как специалист был человек известный.

– А случилось, что он с этими клиентами долго засиживался? – Беспальцев хотел было сунуть ручку в рот и немного погрызть (от этой привычки его пыталась отучить не только жена, но и коллеги по работе), но опомнился и поспешил задать следующий вопрос: – Может быть, выпивали, шумели? Может быть, кто-то кричал, угрожал ему?

Он не надеялся на дельный ответ. Судя по всему, Гольдберг был человеком интеллигентным, спокойным, неконфликтным и, главное, мастером своего дела. Вряд ли из его дома хотя бы раз доносились крики и летели угрозы.

– До вчерашнего вечера все как обычно было, – ответила соседка и поправила серый платок на голове. – А вот вчера из дома доносились громкие голоса... Ну знаете, такое бывает, когда люди спорят. Один голос я сразу узнала – Моисея Григорьевича. А второй голос... Такой громкий, грубый... Никогда его раньше не слышала.

– И долго они спорили? – Следователь черкнул показания на бумаге. Эмилия Ефимовна покачала головой:

– Да не скажу, что долго. Я сама удивилась. Пошумели минут пять, вернее, гость шумел, а Моисей Григорьевич как раз говорил довольно спокойно. Никогда не видела, чтобы из себя выходил, и в этот раз был себе верен. В общем, поспорили – и тишина. Знаете, будто разом что-то оборвалось.

– Не захотелось в окно посмотреть? – поинтересовался

Геннадий. – Сами сказали – до вчерашнего вечера подобных разговоров в доме часовщика не было.

Пожилая женщина залилась краской, словно ее уличили в чем-то нехорошем:

– Посмотрела, было дело. К сожалению, никого не увидела, только тень темная мелькнула. Рада бы вам помочь, да, – она беспомощно развела руками, – больше ничегошеньки не знаю.

– Огромное вам спасибо. – Беспальцев встал, давая понять, что разговор окончен, и заметил, как женщина обрадовалась, бодро встала со стула. – У меня к вам огромная просьба: если что-то вспомните – позвоните или зайдите в отделение милиции.

– Обязательно, – с чувством сказала Эмилия Ефимовна и быстро пошла к своему дому. Следователь повернулся к показавшемуся на пороге Вдовину:

– Ну что удалось обнаружить?

– Открытый тайник и уйму отпечатков пальцев, – отозвался оперативник. – Пусть эксперты над ними поколдуют. Может, и хозяев пальчиков отыщут, нам легче будет.

– Значит, тайник. – Беспальцев вытащил из кармана напечатую пачку сигарет, вспомнив, что давно обещал жене бросить. Ну не получается бросить с этой работой! Когда видишь кровь, страдания, смерть, рука поневоле тянется в карман, к припрятанной пачке. Вот выйдет на пенсию, станет работать на отцовской даче – и на свежем воздухе,

глядящий, и забудет про курево. Он бросил взгляд на Максима, будто ожидавшего от него ответа, и повторил: – Значит, тайник. Интересно, что такого Гольдберг там прятал? Стоило ли оно человеческой жизни? И... – Геннадий собирался еще что-то добавить, но его прервали громкие рыдания.

Он оглянулся и увидел красивую женщину лет тридцати, стройную, черноволосую, с тонким носом и пухлыми губами. Горбинка на носу ее нисколько не портила, наоборот, придавала пикантность интеллигентному смуглому лицу. Она громко плакала и размазывала слезы, а высокий мужчина, чуть старше ее, гладил женщину по плечу, пытаясь успокоить. Незнакомка оттолкнула его руку и подошла к Беспальцеву:

– Вы следователь?

Беспальцев отметил про себя, что вежливые люди, вообще-то, сначала здороваются, но в миндалевидных глазах молодой женщины застыло такое страдание, что он ответил не без участия:

– Да, это я. А кто вы?

– Я племянница Моисея Григорьевича, единственный родной ему человек, – вздохнула она и всхлипнула. – Вам, наверное, нужны мои документы? Вот, пожалуйста, паспорт. Я Софья Иосифовна Гурова. Это мой супруг, Андрей Иванович Гуров. Андрюша, ты тоже дай свой паспорт, – попросила Софья мужа, и он с готовностью стал рыться в старом

кожаном портфеле.

Геннадий бегло просмотрел их документы. Впрочем, он и так видел, что супруги его не обманывают. Отметив, что Софья в жизни гораздо красивее, чем на черно-белой фотографии в паспорте, следователь вернул документы и помог убитой горем женщине пройти в дом. Она пугливо озиралась по сторонам, словно пойманная в силки птица.

– А где дядя? Мне кажется, я не выдержу, если увижу его тело.

– Сонечка, успокойся, – супруг крутился возле нее, и его нарочитая забота показалась Беспальцеву какой-то фальшивой. – Возьми себя в руки. Товарищ следователь задаст тебе вопросы.

Соня прижала руки к пылавшим вискам:

– Скажите, его действительно убили? Эмилия Ефимовна ничего не перепутала?

Геннадий взглянул в ее влажные черные глаза – два бездонных озера.

– Я рад бы ответить вам отрицательно, но ваша соседка ничего не перепутала. Ваш дядя действительно убит.

Она так сжала пальцы, что хрустнули суставы.

– Но кто это сделал? – Софья тряхнула головой. – Кто мог желать его смерти? Товарищ следователь, вы, конечно, спросите меня об этом, и я отвечу вам: «Не знаю». Его все любили. Дядя был порядочным, скромным, отзывчивым... Меня любил как родную дочь... Моя мама – его родная сест-

ра – умерла несколько лет назад, и тогда дядя купил мне дом на соседней улице, чтобы я могла как можно чаще к нему приходить. Мы виделись почти каждый день. Я пекла для него творожный торт, который он так любил, – ее передернуло, будто от удара электрического тока. – Все это проклятое прошедшее время! Мне не верится, что мы с ним никогда больше... – она снова принялась плакать, а растерянный Андрей стоял возле нее, смущенно разглядывая свои ботинки, слегка забрызганные грязью.

– Прошу вас, пожалуйста, успокойтесь, – Беспальцев дотронулся до ее холодной руки. – Мне действительно нужно задать вам несколько вопросов. Прежде всего внимательно осмотрите комнаты. Может быть, за время вашего отсутствия что-то пропало?

Женщина неимоверным усилием взяла себя в руки и огляделась.

– Часы! – вскрикнула она и рванулась к старому черному пианино. – Здесь стояли часы... Знаете, такие большие, сделанные из дорогого материала, кажется, слоновой кости... Дядя говорил, что они очень дорогие. А еще он говорил... – Софья бросила взгляд на Андрея, будто собиралась сказать что-то для него неприятное.

– Говори, говори, Сонечка, – разрешил супруг и, видя, что жена колеблется, сам вклинился в разговор. – Видите ли, мне кажется, старик не очень меня любил. Я не делал ему ничего плохого, наоборот, бежал сюда по первому его требо-

ванию. А он все равно порой выражал свое недовольство. Наверное, это обычная ревность, – он попытался улыбнуться. – Дяде хотелось, чтобы Сонечка возилась только с ним. Знаете, чем старше становятся люди...

– Так что с часами? – перебил его Беспальцев, сознавая, что и он начинает испытывать к Гурову неприязнь, только никакой ревности в этом не было. Какой-то этот Гуров скользкий, неискренний... – Вы хотели рассказать про часы.

– Ах да, извините. – Андрей Иванович сдернул с головы шляпу и стал нервно мять ее в руках. – Моисей Григорьевич обещал подарить эти часы Соне, выражал надежду, что когда-нибудь они украсят ее камин, если я, конечно, его выложу. Его ирония, как мне кажется, была совершенно неуместна. Я никогда не жил за его счет, я всегда работал, старался обеспечить жене достойную жизнь. Вероятно, ему что-то не нравилось...

– Вероятно, – Геннадий снова не дал ему закончить. – Обойдите другие комнаты. Удостоверьтесь, что пропали только часы.

Соня сделала робкий шаг в спальню и обернулась.

– Знаете, я кое-что вспомнила, – сказала женщина, виновато глядя на следователя. – Андрей, помнишь, дядя говорил, что в Одессе нашелся покупатель, который не дает ему покоя, потому что помешан на этих часах?

Гуров кивнул:

– Помню, дорогая. А еще Моисей Григорьевич добавил, что

этот покупатель хочет приехать. Товарищ следовательно, я подумал: нельзя исключать, что часы проданы. Дядя не посвящал нас в свои сделки.

– Имя покупателя помните? – поинтересовался Беспальцев. Супруги переглянулись.

– Но Моисей Григорьевич никогда не называл его имени и фамилии, – ответила Софья.

– Хорошо, оставим покупателя, – кивнул Геннадий. – Давайте сосредоточимся на других вещах. Пожалуйста, посмотрите внимательно. Это очень важно.

Андрей взял жену под руку, и они вместе прошлись по комнатам.

– Вроде ничего больше не пропало. – Женщина провела по красной бархатной скатерти тонким пальцем с миндалевидным ногтем. – Хотя постоит... Здесь, в углу, всегда стоял кожаный саквояж с инструментами. Дядя говорил, что они ценные, потому что некоторые из них днем с огнем не достать. А теперь его нет. Дядя Мойша каждый день ходил с ним на работу. Его будка стояла в двух кварталах отсюда, возле рынка...

– Так и запишем, – Беспальцев занес показания в протокол. – Софья, в погребке мы обнаружили тайник, правда, открытый и пустой. Вам что-нибудь известно про это?

– В погребке? – Андрей опередил жену с ответом. – Но дело в том, что мы никогда не были у него в погребке. Впрочем, дорогая, может быть, он говорил о тайнике тебе?

Женщина покачала головой:

– Нет, никогда о нем не слышала.

Беспальцев изучающе посмотрел на супругов. Ему не верилось, что дядя не поделился тайной своего «подземелья» с любимой племянницей. Другое дело – Гуров. Если Моисей Григорьевич его недолюбливал, мог попросить Софью никому не рассказывать о тайнике. Но лицо молодой женщины выражало неподдельное удивление, и следовательно ничего не оставалось, кроме как поверить им на слово. Кому в таком случае Гольдберг мог поведать об этом? Неужели бандит сам отыскал тайник, когда обшаривал дом часовщика? На этот и другие вопросы у него пока не было ответов.

Глава 4

Южноморск, наши дни

Ему казалось, что машина ехала очень долго, хотя потом врачи уверяли: они находились на вызове неподалеку и поэтому домчались за пять минут. Доктор, пощупав пульс, констатировал смерть, а Ивашов, не узнавая себя, просил его вернуть отца к жизни.

– Он не мог умереть! – бормотал Сергей, словно находясь в трансе. – Он был здоров... крепок... Спасите его, умоляю вас. Быстрее отвезите отца в реанимацию.

Пожилой эскулап, фыркнув в густые седые усы, вежливо произнес:

– Молодой человек, я разделяю ваше отчаяние и с удовольствием бы оживил вашего отца, но я не бог. Да, ваш отец не должен был умирать, с этим я согласен. Думаю, кто-то позаботился о том, чтобы он ушел на тот свет раньше отведенного ему времени. Посмотрите, разве вы не видите признаки отравления? – Он повернулся к менеджеру. – Вызывайте полицию. Не думаю, что такое могло произойти от еды, которую готовят в вашем ресторане. По моему мнению, яд ему подсыпали, а кто и зачем – не знаю, я не следователь.

Менеджер, с бледным, как полотно, лицом, снова схватился за мобильный.

– Полиция? Убили человека...

Сергей его уже не слышал. Он продолжал стоять на коленях возле трупа отца. Молодой человек очнулся только тогда, когда приехала полиция и усталый следователь в черных старых брюках и бежевой рубашке без рукавов с разводами пота под мышками стал опрашивать свидетелей. Когда его худая рука опустилась на плечо Ивашова-младшего, тот вздрогнул, как от прикосновения гадюки, и резко вскочил.

– Мне сказали, это ваш отец? – поинтересовался следователь, сморщив желтоватое лицо. Сергея поразили его тусклые равнодушные глаза болотного цвета. – Вы ужинали с ним?

– Вы кто? – Адвокат только сейчас начал возвращаться в реальность.

– Разве вы не слышали? – раздраженно спросил полицейский. – Следователь, майор Борис Павлович Прокопчук.

– Понятно, – Ивашов вытащил свое адвокатское удостоверение. – Мы с вами почти коллеги.

– Ключевое слово «почти», – безапелляционно отозвался Прокопчук. – Позвольте задать вам несколько вопросов.

Ивашов кивнул, подумав, что вряд ли он мог бы ответить отрицательно.

– Еще раз спрашиваю, – буркнул следователь не очень любезно, – вы ужинали с ним?

– Да, – кивнул Сергей. – Сегодня отец позвонил мне и пригласил на ужин в это кафе.

– Менеджер говорит: вы ругались, – скорее констатировал, чем уточнил Прокопчук.

– Видите ли, отец оставил меня с матерью, когда мне было десять лет, – пытался объяснить молодой человек. – Он не видел меня восемнадцать лет и вдруг неожиданно-негаданно объявился. Стоит ли говорить, что я был на него обижен и вообще не хотел идти в кафе. Однако он меня убедил.

– Интересно, как же ему это удалось? – ехидно спросил следователь. – Денег пообещал, что ли?

Ивашов заскрипел зубами и чуть не треснул майора по лысоватой дынеобразной голове.

– Несмотря на небольшой стаж работы, денег у меня достаточно, – парировал он. – Отец намеревался о чем-то меня просить, якобы, кроме меня, ему никто не может помочь, но когда я пришел, стал говорить о наследстве. Мы давно решили с матерью, что нам ничего от него не нужно. Разумеется, я вспылил и ушел.

Следователь открыл рот, намереваясь еще что-то спросить, но к нему подошел довольно молодой мужчина в потертых джинсах и белой футболке с логотипом какого-то футбольного клуба.

– Его отравили, – мрачно сообщил он, потеряв недельную щетину на подбородке. – Судя по всему – цианид. Пена изо рта, запах миндаля. Бутылку шампанского, тарелки и содержимое бокалов я забираю на экспертизу. Хотя и без экспертизы многое ясно.

– И что тебе ясно? – Прокопчук сощурил и без того узкие глаза.

– Отравить хотели только покойного, – отрапортовал парень, видимо, судмедэксперт. – Шампанское в бутылке миндалем не пахнет, зато из его бокала запашок, как на кондитерской фабрике. К содержимому второго бокала у меня претензий нет.

– Скажи санитарам, чтобы уносили труп, – скомандовал майор и повернулся к Ивашову, внимательно слушавшему их разговор. – Теперь вы знаете, как умер ваш отец. Скажите, вы действительно сильно его ненавидели?

Сергей сначала покраснел, потом побледнел.

– К чему вы клоните? – прошипел он. – Вы хотите сказать, что это я отравил собственного отца?

– Как бы то ни было, вы – первый подозреваемый, – с какой-то радостью сообщил следователь.

– Надо полагать, и единственный, – усмехнулся Ивашов. Все происходящее казалось ему каким-то фарсом. – Впрочем, интересно, какой же у меня был мотив? Я не общался с отцом восемнадцать лет и тем не менее не прибил его в темном закоулке. Что же нашло на меня сегодня?

Майор скривился, и его подвижное лицо покрылось сетью мелких морщин. Интересно, сколько ему лет? Сорок, пятьдесят, шестьдесят?

– В данном случае мотив нетрудно вычислить, – огорошил он Сергея. – Допустим, отец пригласил вас, чтобы погово-

речь о наследстве, и сказал, что написал на вас завещание, однако намекнул, что по каким-то причинам может передумать. А? Чем не мотив?

– Ерунда какая-то, – пробормотал Ивашов. – И какие же причины заставили бы его передумать? Что вы сочините в этот раз? Только, прошу вас, давайте поубедительнее, ибо я адвокат и способен защитить самого себя. Уверяю вас, ваши идиотские формулировки не прокатят в суде. Надеюсь, вы не намерены меня... – он сделал многозначительную паузу, – задержать на сорок восемь часов?

– Я намерен предупредить вас, чтобы вы не уезжали из города, – ледяным тоном проговорил следователь. – Не буду брать подписку о невыезде, поверю на слово. Оставьте свой адрес и телефон.

Ивашов вытащил визитную карточку и протянул Прокопчуку:

– Пожалуйста. Здесь все данные. Смею вас уверить, что из города я не уеду. У меня два судебных слушания на неделе.

– Рад за вас, – усмехнулся майор. – Скажите, ваш отец, случаем, не проговорился о своих врагах?

– Если вы хотите спросить, подозреваю ли я кого-нибудь в его смерти, то честно отвечу – нет, – отчеканил Сергей. – Я много слышал о делах отца, о его связи с криминалитетом, но только то, что слышали все. Впрочем, менеджер кафе может подтвердить, что наш разговор длился недолго. Кстати, если бы отец сказал мне, что ему угрожает опасность и он

ждет от меня помощи, то я бы не вспылал, – добавил он и вздохнул.

– Ладно, можете быть свободны. – Прокопчук махнул костистой рукой. – Еще раз повторяю: из города не уезжайте. Когда вы мне понадобится, я вам позвоню.

Он отвернулся к санитарам, выносившим из ресторана носилки с безжизненным телом, и Ивашов почувствовал, как в его душе что-то шевельнулось, и это что-то не было ненавистью, скорее, сожалением. Слишком поздно – во всех смыслах – отец решил вернуть сына. Слишком поздно... Он поплелся к машине, рассеянно включил зажигание и поехал по утопавшему в летних сумерках городу. Его квартира находилась недалеко от офиса и недалеко от кафе, где он в первый и последний раз за восемнадцать лет видел отца. Припарковав автомобиль возле дома, он вошел в подъезд, как всегда, чисто убранный руками жильцом, и стал медленно подниматься по лестнице.

В двухкомнатной квартире, в которой они жили с матерью много лет, его встретила тишина – к ней он никак не мог привыкнуть. Полгода прошло со дня смерти мамы, а ему все казалось, что она выйдет к нему навстречу, обнимет, поцелует и скажет, что приготовила на ужин. Так было много лет – и все оборвалось в один день.

Вспомнив о матери, Сергей вдруг с изумлением заметил, что не винит отца в ее смерти – впервые за долгие месяцы. Наверное, потому, что сегодня отец не показался ему счаст-

ливым человеком и сам отправился туда, откуда не возвращаются. Но если со смертью матери было все понятно, нелепая смерть отца рождала вопросы. В его случае убийцу могут искать очень долго и, вероятно, не найдут. Если криминалитет решил отомстить ему, они тщательно подготовились. Тогда он – единственный, кому важно найти убийцу и отдать в руки правосудия. Если его самого не обвинят в этом преступлении.

Ивашов сел на новый диван, купленный после смерти мамы, прислонился спиной к его мягкой спинке с бежевой обивкой и задумался. Судмедэксперт сказал, что отца отравили в кафе и что яд подсыпали в бокал, а не в бутылку. Но кто и когда успел это сделать? До их прихода вряд ли. Никто не мог предугадать, куда сядет Ивашов-старший. Сергей сел у окна, но мог выбрать другое место. Отравители не стали бы полагаться на случай. Значит, яд подсыпали, когда они уже сидели в ресторане. Официант тоже исключается: Сергей следил за каждым его движением, чтобы не смотреть на отца. Больше никто и не подходил к их столику... Не подходил...

В памяти возник наглый Микки-Маус, приглашенный для компании, сидевшей у сцены, но почему-то вертевшийся возле них. А почему он, собственно, решил, что Микки-Мауса пригласили для веселой компании? Убийцы отца все хорошо просчитали. Когда в зал заходит аниматор, разве его кто-то опасается? И восточная красавица тоже появилась

не случайно. Она отвлекла на себя внимание, когда Микки-Маус сыпал яд в бокал отца. Да, все сходится, иначе и быть не могло.

Сергей дал себе слово завтра, несмотря на занятость и усталость, съездить в кафе, чтобы подтвердить свое предположение. Перед глазами возник отец, умолявший его выслушать что-то важное. Может быть, потом, немного погодя, речь пошла бы вовсе не о наследстве, а о чем-то другом? Может быть, отец знал, что его жизнь висит на волоске, и хотел рассказать о своих проблемах? Какой же он был самовлюбленный, эгоистичный дурак, если его не выслушал! Человек просил о помощи и не получил поддержки у родного сына.

Сергей обозвал себя идиотом, тяжело поднялся и поплелся на кухню. Аппетит пропал, но до смерти захотелось выпить рюмку коньяку, успокоиться и привести в порядок мысли.

Сергей никогда не злоупотреблял спиртным, осуждал тех, кто считал его лучшим способом расслабиться, но сегодня ему хотелось именно коньяку, может, еще и для того, чтобы помянуть безвременно ушедшего отца.

Он открыл дверцу белоснежного кухонного шкафа, достал бутылку, уже початую (его друзья часто просили рюмочку), и, налив янтарной жидкости в хрустальную рюмку, залпом выпил. Коньяк обжег горло, кровь, казалось, забурлила в жилах, но ожидаемого успокоения это не принесло. Ивашов с неудовольствием поставил бутылку на место, спо-

лоснул рюмку и, расстегивая рубашку, направился в ванную, чтобы принять горячий душ – проверенное средство. После него он всегда засыпал как убитый. И действительно, струи воды оказали на него волшебное действие. Мысли об отце и о собственной вине оставили молодого человека, и он, закутавшись в большое махровое полотенце, пошел в спальню и упал на кровать, дав себе слово следить за тем, как продвигается следствие по убийству отца, и, если понадобится, самому включиться в расследование. Уже сквозь сон он услышал, как трещит мобильный, но не протянул руку, потому что ни с кем не хотел говорить. Завтра, все завтра.

Глава 5

Вознесенск, 1965

Геннадий Беспальцев сидел в кабинете, рисуя простым карандашом по белому листку и пытаясь сосредоточиться. Он нарисовал что-то, похожее на каминные часы и саквояж Гольдберга, хотя никогда их раньше не видел – только слышал описание. В голове юлой, назойливо, завертелся вопрос: что же получается? Эти вещички – саквояжик и часики – стояли на видных местах, преступнику не пришлось бы их искать. Отсюда следовало: пытал он Моисея Григорьевича по другому поводу.

А по какому? Как ответить на этот вопрос? Да черт его знает. Отбросив карандаш, следователь потянулся за ручкой и быстро составил ориентировку на пропавшие вещи. Экспертиза по отпечаткам пальцев не была готова, пока неизвестно, чьи пальчики обнаружил всемогущий эксперт на стакане, и Геннадий, приготовив подробное описание пропавших ценностей, попросил секретаря разослать их по всем крупным городам в надежде, что преступник все же попытается их продать или еще как-нибудь засветит. Таинственный покупатель, имя и фамилию которого Гольдберг не стал сообщать племяннице (да и зачем?), не выходил из головы. Интересно, кто он, имел ли отношение к убий-

ству?

Беспальцев достал пол-литровую банку, сунул туда кипяtilьник, весь покрытый белым налетом, и вставил вилку в розетку. Он очень любил пить чай и не представлял себе другого отдыха, кроме как за стаканом крепкого темно-коричневого напитка, особенно вприкуску с рафинадом. Покойная мама говорила, что его дед, проживший девяносто с лишним лет, тоже любил побаловать себя чаем с куском сахара. Вскоре в банке забулькало, и это уютное шептание словно на миг перенесло его домой.

Беспальцев никогда не заваривал чай в отдельной, предназначенной для этого посуде. Он кидал в старый граненый стакан три ложки черного, ароматного напитка и заливал все кипятком. Жена дивилась, как он может пить столько, сколько, по ее мнению, предназначалось на целый заварный чайник, и Геннадий отвечал, что именно в таких пропорциях получается то, что нужно. Майор достал ложку и уже собирался сунуть ее в банку из-под кофе, где всегда хранил чай, когда в кабинет без стука, запросто, как он всегда это делал, зашел Степаныч.

– О, чаек, – обрадовался он, бросив взгляд на закипевшую воду, – угостишь?

– Смотри что ты мне скажешь, – усмехнулся Геннадий. – А я посмотрю, стоят ли твои сведения стакана чая.

– Ох какие мы – Степаныч плюхнулся на стул и запустил руки в седые волосы. – Ну слушай. Умер твой Гольд-

берг не от побоев, а от остановки сердца. Видишь, как бывает: мужчина был довольно крепким для своего возраста, а сердечко не выдержало. Это первое. Второе – я отыскал хозяина пальчиков на стакане.

Следователь выронил ложку и подался вперед. Такого подарка судьбы он не ожидал:

– Неужели? Кто это?

– Олег Петрович Будченко, – радостно пропел эксперт. – Наш клиент, рецидивист, кстати, проживающий на соседней с Гольдбергом улице.

Беспальцев удовлетворенно кивнул:

– Молодец, Степаныч. Чай заслужил. Кстати, ты обедал? Жена приготовила мне бутерброды с паштетом, который сама сделала. Очень вкусный, будешь просить добавки.

Панков глотнул слюну и сморщил широкий нос:

– Да ну? Вот повезло мне. Представляешь, моя старушка уехала к дочери, так что я питаюсь в нашей столовой. Сегодня позже встал и не успел позавтракать.

Геннадий посмотрел на часы:

– Судя по всему, и не пообедал бы. Усаживайся поудобнее. – Он достал завернутые в газету бутерброды и разложил на тарелке. По кабинету разнесся умопомрачительный запах, и судмедэксперт закрыл глаза. – Бери, не стесняйся. Вот тебе и чаек. – Он бросил в кружку чаю и налил кипятку. – А я тем временем буду совмещать приятное с полез-

ным, – Беспальцев снял трубку и принялся крутить диск. – Алло, Максим? Срочно разыщи мне личное дело Олега Петровича Будченко. Да, чем скорее, тем лучше. Это его пальчики мы обнаружили на стакане в доме часовщика. – Положив трубку, он улыбнулся, глядя, как Степаныч уничтожил бутерброд – так, что даже сытому есть захочется. – Моя Галя делает паитет из говяжьей печенки и добавляет туда свиное сало. Правда, вкусно?

– Нет слов, – отозвался Панков с набитым ртом и прислушался – Кажись, Вдовин. Он и ко мне так же робко стучится. Скромный молодой человек.

– Точно Вдовин, – кивнул Геннадий и крикнул: – Заходи, Макс.

Оперативник распахнул дверь, блеснул золотом волос и потянул носом.

– Кажется, я хорошо попал. – Широкая улыбка озарила его румяное лицо, и молодой человек указал на бутерброды. – Умоляю вас, хотя бы кусочек! По вашей милости я не успел в столовую.

– Ну, мы исправим это недоразумение, – Беспальцев придвинул к нему тарелку и посмотрел на замусоленное дело Будченко в картонной папке с пожелтевшими завязками. – Садись с нами, не стесняйся, бумаги положи на стол. Поешь – бери Горемыкина, и бегите домой к этому Будченко. Если нам повезет, мы в скором времени закроем дело.

– А если он не имеет отношения к преступлению? – Вдо-

вин надкусил бутерброд.

– Ты веришь, что вор-рецидивист просто нанес ему дружеский визит? – усмехнулся следователь. – Или проходил мимо, а Гольдберг позвал его на чай? Ты же не первый год работаешь в милиции, чтобы делать такие глупые предположения. Или я не прав?

– Вроде правы, – Максим пожал плечами, – только чудно, что мы так быстро раскрыли дело. Обычно не меньше месяца возимся. Кроме того, наш подозреваемый только что откинулся. Неужто даже отдохнуть не захотел?

– Бывает в жизни и такое, я имею в виду везение, – заметил Беспальцев и потянулся к бутербродам. – Кстати, у рецидивистов свое понятие об отдыхе. Заговорили вы меня, друзья-товарищи. Сейчас все съедите, а мне и крошки не останется. – Он вцепился в самый большой бутерброд, всем видом показывая, что готов драться за него. – Так-то, дорогие мои.

Глава 6

Южноморск, наши дни

Сергей проснулся еще до сигнала будильника на телефоне, взял мобильный в руку, чтобы посмотреть, кто звонил вечером, и с удивлением узнал, что с ним хотел поговорить дядя Виктор.

Так получилось, что дядя Виктор был старым другом и отца, и матери, разумеется, больше отца, потому что с ним они учились в одном классе и мечтали о подвигах в милиции. Однако после окончания школы дядя Виктор поступил на экономический факультет, окончил его и работал на местном заводе. После развода родителей он остался в хороших отношениях с матерью, часто звонил, даже помогал деньгами, когда она просила. Сергей знал, что про отца они не говорили: для матери это оставалось одной из самых болезненных тем, и хорошо, что дядя Виктор это понимал.

Мать восхищалась его преданностью жене. Когда та умерла от инфаркта, дядя Виктор не привел в дом другую женщину, чтобы она заменила мать его единственному сыну, угловатому хмурому парню, сам вырастил его, а потом отправил учиться за границу (после того, как завод, где он работал, приказал долго жить, дядя Виктор занялся бизнесом, и очень успешно). Давая деньги матери Сергея, мужчина ни-

когда не требовал их возврата и брал только потому, что гордая женщина обещала оставить их на пороге его трехэтажного загородного особняка.

Ивашов-младший, заставив себя встать с постели, набрал его номер, и дядя Виктор откликнулся сразу, будто знал, что Сергей обязательно перезвонит. Впрочем, может, и знал. Он вообще прекрасно знал их семью.

– Здравствуй, Сережа, – послышался сочный баритон дяди Виктора. – Вот думаю, как тебе сказать.

– Если вы об отце, то мне все известно. – Ивашов перевел дух и выпалил: – Я был очевидцем его смерти.

Виктор охнул:

– Но как? Он встречался с тобой в ресторане?

– Да, он назначил мне встречу ни с того ни с сего, мотивируя это тем, что нам надо поговорить, – пояснил Сергей. – Отец сказал, что нуждается в моей помощи. Но когда мы уселись за столик, он стал говорить о наследстве. А вы же знаете, как мы с мамой к этому всегда относились, – добавил он, стараясь, чтобы его слова звучали как можно убедительнее.

– Знаю, и в этом вопросе никогда ее не поддерживал, – отозвался Виктор. – Неужели ей было приятно, что он тратит деньги не на собственного сына, а на молодых пассий, которые менялись, как перчатки?

– А я понимал и поддерживал, – буркнул Сергей. – Нам ничего не нужно от предателя. А отец нас предал. Тогда, восемнадцать лет назад...

Произнеся эту фразу, Ивашов почувствовал ком в горле. Перед глазами возник отец, лежавший на холодном полу ресторана, с белой пеной на губах. И это воспоминание всколыхнуло затихшее было чувство вины.

– Значит, ты видел, как он умер, – дядя Виктор прерывисто задышал, – я знаю, мой мальчик, что ты спешишь на работу, и не хочу тебя отвлекать. Не мог бы ты заехать ко мне после работы? Мы попили бы чаю – мне известно твое отношение к алкоголю, – поговорили.

Ивашов хотел было отказаться, но подумал, что ему и самому хочется высказаться, и лучше излить душу знакомому человеку, чем незнакомцу.

– Хорошо, дядя Виктор, – твердо пообещал он, – я заеду часов в семь вечера.

– Отлично, – обрадовался мужчина. – Я буду дома один. Впрочем, ты знаешь, что я всегда один после того, как умерла Зина и как Кирюшка решил остаться в Лондоне. Будешь дорогим гостем. Жду.

Как деловой человек, он не стал больше занимать чужое время. Странно, но после разговора с дядей Виктором Сергей почувствовал облегчение. Он принял душ, выпил чашку кофе, дав себе слово перехватить булочек в кондитерской по дороге на работу, оделся, придирчиво осмотрел себя в зеркале и вышел. Солнце уже начинало пригревать, и вездесущие бабульки, как всегда, сидели на скамейке возле подъезда, обсуждая всех и вся. Он знал: больше всего их злила им-

провизированная стоянка машин во дворе. Так уж получилось, что в округе не было никакой стоянки – ни платной, ни бесплатной. А ставить автомобили за несколько километров и потом добираться до дома на общественном транспорте никто не хотел. Бабуль злило и то обстоятельство, что в доме приобретали квартиры люди небедные, и в каждой семье имелось по несколько машин.

– Люди у нас стали какие-то непонятливые, – заговорила одна из них, его соседка по лестничной клетке, которую Сергей про себя прозвал старой Мальвиной. Седые волосы, черт знает чем крашенные так, что стали фиолетовыми, платья чуть ниже колен, открывавшие дряблую морщинистую кожу на ногах, но девичья фигурка – сзади старушенция вполне могла сойти за молодую женщину. – Да, непонятливые, – уже громче произнесла она, боясь, что Ивашов ее не услышит. – Здесь, между прочим, дети гуляют и животные, а вы машины ставите. Сколько несчастных случаев произошло во дворах! Или вы, молодой человек, телевизор не смотрите?

– Почему же, смотрю. – Она раздражала Сергея до такой степени, что при виде ее он норовил поскорее проскользнуть в подъезд или квартиру. – Только те, что сидели за рулем, были в неадекватном состоянии. Я же вполне контролирую свои действия.

Бабули переглянулись и зашумели.

– Где уж ты контролируешь! – не унималась Мальвина. – Галина жаловалась: мол, три дня назад ты чуть ее пуделя не

задавил.

Ивашов почесал затылок. Самое интересное – он знать не знал пуделя и Галину.

– Это был не я, – пытался он отбиться, но у него ничего не вышло. Бабули загалдели еще громче:

– Ты, она тебя сразу узнала.

Ивашов пожалел, что вступил с ними в спор, юркнул в салон и быстро завел автомобиль. Он не стал говорить, что машина необходима ему как воздух. Попробуй успеешь на судебные заседания, добираясь до здания суда на общественном транспорте! Старухи шамкали что-то вслед, но Сергей с гордым видом вырулил на дорогу и поехал в суд. Сегодняшнее дело было неинтересным – обычный бракоразводный процесс. В принципе мать предупреждала его, что, возможно, только этим он и будет заниматься, пока не заработает имя. Тогда клиенты потекут рекой.

Припарковав машину возле здания суда, он вылез из автомобиля, встретившись глазами с адвокатом противной стороны, обещавшим супругу (Ивашов представлял интересы жены) отсудить все имущество. Разумеется, он погорячился, потому что на мужа была записана всего половина, однако оба бывших супруга горели желанием получить все. Странно, но, когда началось очередное слушание, бывшие мило улыбались друг другу, подмигивали, мужчина даже послал воздушный поцелуй, и Сергей подумал, что кто-то спятил – то ли адвокаты, то ли бывшая семейная пара. В довершение

во время выступления адвоката супруга его клиент вскочил и заявил, что не нуждается больше в его услугах, так как они решили помириться.

Адвокат вспыхнул, тихо выругался, подумав о гонораре, который не получит, однако Ивашов безумно обрадовался такому ходу событий. Его тошнило от клиентки, женщины неопределенного возраста, изуродовавшей себя пластическими операциями до такой степени, что лицо превратилось в какую-то силиконовую маску с надутыми губами и выпиравшими скулами, обтянутыми кожей.

– Черт с ними, с деньгами, – буркнул Сергей, быстро собрал бумаги, вышел из зала заседания и с наслаждением опустился на водительское сиденье. Если дядя Виктор свободен, можно было поехать к нему, посидеть на веранде уютного трехэтажного дома и вспомнить то, что когда-то было очень дорого обоим.

Ивашов достал мобильный, набрал номер Виктора и, когда старый приятель родителей отозвался, спросил:

– Дядя Витя, я уже освободился, можно приехать сейчас?

– Ну разумеется, мой дорогой, – обрадовался мужчина. – Я свободен, как ветер. Давай ко мне.

– Лечу! – бросив мобильник в бардачок, Ивашов втопил в пол педаль газа.

Глава 7

Вознесенск, 1965

Олег Будченко жил с матерью в ветхом одноэтажном доме, возле которого росла парочка чахлых яблонь, уже потерявших медную листву. Везде чувствовалось запустение, которое бросается в глаза, когда не хватает рабочих рук. Оперативникам было известно, что мать Олега уехала в небольшой городишко, находившийся в пятидесяти километрах от Вознесенска, чтобы ухаживать за парализованным отцом, и Будченко был предоставлен самому себе. Впрочем, вряд ли присутствие матери его удерживало от воровства. По неухоженному крыльцу с налипшими комьями грязи (местами от него отлетела штукатурка) милиционеры поднялись к входной двери и постучали.

Вдовин почему-то не верил, что на стук кто-то откликнется – так и случилось. Горемыкин постучал еще раз, громче, а потом забарабанил в дверь, крикнув:

– Будченко, открывай, милиция.

Его крик тоже ни к чему не привел. Никто не спешил впускать милицию в дом, никто не шуришал в коридоре, и Вдовину стало не по себе. Он не мог объяснить, почему его вдруг охватил страх, липкий, противный. По логике вещей, Будченко мог куда-нибудь отлучиться, например в магазин или

в кино – тоже человек, пусть и рецидивист, однако плохое предчувствие не покидало молодого опера. Максим взялся за ручку и дернул ветхую деревянную дверь на себя. Она оказалась незапертой, и Вдовин вбежал в темный сырой коридор, буркнув под нос:

– Ну вот, так и знал.

Горемыкин устремился за ним. Старый дом встретил их тишиной, гробовой, пробирающей до дрожи. Так тихо, противно тихо, не бывает даже в заброшенных домах. На секунду остановившись возле вешалки, коллеги устремились в большую комнату и застыли. Олег Будченко (это был он собственной персоной, они узнали его по фотографиям) сидел за столом, уронив голову на скатерть.

«Может быть, жив, но пьян?» – мелькнуло в голове Вдовина, и он, подойдя к рецидивисту, приложил руку к артерии на его шее.

– Мертв? – с придыханием спросил Горемыкин, прищурившись.

– Мертвее не бывает, – отозвался Вдовин. – Ох, чуяло мое сердце... Потом обливался, когда на крыльце стоял.

– Откуда ты мог знать, что он умер? – удивился коллега.

– Шестое чувство, – пояснил Максим. – Бывает у меня такое. – Он наклонился над трупом, всматриваясь в бледное лицо. – Интересно, как же так получилось?

– Для рецидивиста умереть в собственном доме, а не в тюрьме – счастье, – усмехнулся Андрей.

– А по мне – так без разницы, – буркнул Вдовин, дернув себя за золотистую шевелюру. – Беги к телефону-автомату, я на остановке будку видел, вызывай эксперта и Беспальцева.

* * *

Панков бросил саквояж на пол и с неудовольствием склонился над трупом.

– Испортил-таки мне обед, гаденьши, – прошипел он, глядя на Вдовина.

– Много есть вредно, – тон в тон ответил оперативник. – Кстати, один бутерброд ты все же проглотил.

– Змей ты, – буркнул судмедэксперт и повернулся к Беспальцеву, мерившему шагами комнату с облезлыми обоями. – Гена, я не нашел на его теле видимых повреждений и поэтому не могу сообщить точную причину смерти. Умер он не сегодня, мне кажется, около суток назад, во сне.

– Понятно, – кивнул следователь, косясь на вынырнувшего из соседней комнаты Горемыкина с каким-то свертком в руках. – Андрей, нашел что-нибудь интересное?

– Как ни странно, – съязвил оперативник. – Вот, полюбуйте. – Он тряхнул холстину, и из нее посыпались какие-то причудливые отвертки, иголочки и шурупы. Обычный человек не знал бы, что с ними делать – уж больно маленькие, миниатюрные. – Не буду настаивать, но похоже,

что это инструмент Гольдберга.

Беспальцев растерянно взял одну отвертку и принялся вертеть в длинных пальцах.

– По показаниям его племянницы, инструменты должны быть в кожаном саквояже, – констатировал он. – Мы должны найти его, а заодно и каминные часы.

– Странно, правда? – Вдовин, поправив золотистый чуб, упавший на лоб, наклонился к Беспальцеву. – Инструменты должны быть в саквояже из натуральной кожи, дорогом, как утверждает племянница. Возможно, он для них и приспособлен. Зачем Будченко вытаскивать их оттуда и заворачивать в холстину?

– Только не говорите, что он нашел покупателя на саквояж, а не на инструменты, – хихикнул Горемыкин и показал трехлитровую бутылку мутного самогона. – Эта любушка стояла рядом с инструментами. Видно, наш покойник любил выпить.

– Любил, – отозвался Беспальцев с сожалением. – Вот именно, что любил. Теперь для него все в прошедшем времени.

Он подумал, что смерть рецидивиста помешала раскрытию преступления. Вот как бывает – нашли вещдок, причем очень важный, сняли отпечатки пальцев, вполне возможно, что эксперт признает на нем пальчики Будченко – любой следователь о таком подарке может только мечтать, – но допросить подозреваемого, выдать из него признание

и закрыть дело уже не получится. Дело закрыла смерть – неплохое название для детективного фильма. Убийство часовщика, считай, раскрыто. Но раскрыто ли?

Пока остаются вопросы, на которые нет ответа, так утверждать нельзя. А вопросов как собак нерезаных. Куда, спрашивается, делись саквояж и часы? Неужели Будченко действительно продал их и пропил? Почему же тогда оставил инструменты? По словам Софьи, они были очень ценные. Любой часовщик – не обязательно в этом городе – оторвал бы их с руками и заплатил приличную цену. Бывает, конечно, что покупатель на менее ценные вещи находится быстрее, но подходит ли это к ситуации с рецидивистом?

От напряжения лоб следователя прорезала глубокая морщина, сразу состарив его на несколько лет, и Максим, наблюдавший за майором, вклинился в его размышления:

– Думаете о том же, о чем и мы с Андреем? Почему саквояжа нет, а инструменты на месте?

– С тобой к гадалке не ходи, – усмехнулся Беспальцев и смахнул мутную каплю пота с хрящеватого носа. – Правда, Олег мог их и пропить, и продать. В пользу этого говорит эта красавица, – он указал на бутыль.

– Что-то подсказывает мне, что он этого не делал, – пробурчал Андрей. Геннадий махнул рукой:

– Давайте дождемся заключения нашего Панкова. Может быть, вскрытие направит нас в нужное русло.

– Хочется надеяться. – Максим скривил губы, потряхнув

золотой шевелюрой, и все трое пошли к служебной машине, ожидавшей их у осиротевшего дома.

– Телеграмму матери отстучите, – попросил Беспальцев. – Если завтра придет, нужно будет с ней переговорить.

– Сомневаюсь я, что о сыне она много знала, – сокрушенно отозвался Горемыкин. – Бывает: сын гад последний, преступник, но к матери относится трепетно, бережет ее покой. Разве мы это не проходили?

– Проходили, и неоднократно, – Геннадий открыл дверь машины и залез в салон на заднее сиденье. – И в таких случаях матери порой сообщали очень ценные сведения. Видишь ли, брат, материнское сердце не обманешь. Оно способно многое подмечать.

– Да я, собственно, и не возражаю, – ответил Андрей с переднего сиденья. – Сейчас выйду у почты и отстучу телеграмму. Останови, – попросил он водителя, и желтый автомобильчик притормозил у одноэтажного здания почты. – Ну, я пошел.

Он с трудом вылез из салона, в который раз пообещав себе похудеть, и, нахлобучив на лысину серую старую кепку, побрел к неказистому строению. Машина сорвалась с места, словно торопясь доставить следователя и оперативника в отделение.

Глава 8

Южноморск, наши дни

Дом дяди Виктора находился в живописной долине, окруженной, будто цепью, горами причудливой формы. На их склонах курчавился лес, в трехстах метрах протекала река, имевшая крошечный, но миленький песчаный пляж. Когда-то Виктор объяснил матери, почему построил дом не на берегу моря, а здесь.

– Понимаешь, со мной что-то произошло, – сказал он и виновато улыбнулся. – Попытаюсь объяснить. Там, где я родился, моря не было, и я с удовольствием ездил с родителями в Крым, купался до одури, готов был выпить море, думал, как забрать с собой хотя бы его кусочек... Потом моего отца, военнослужащего, перевели в наш город, и я несказанно радовался. Еще бы... море стало моим, я мог наслаждаться им в любой момент, что и делал. Мальчишкой целые дни я проводил на пляже, купался, нырял с такими же сорванцами. Если что-то мешало мне пойти на пляж, я считал, что день прошел зря. Так было лет, наверное, до сорока. А потом я начал себя заставлять. Внушал, что купание необходимо для моего здоровья. Лет пятнадцать заставлял... А потом резко перестал. Выстроил дом в долине, среди гор, далеко от моря, и не жалею. Прошрое лето просидел в нем, на море по-

чему-то не тянуло. Если бы потянуло, сел бы в машину и поехал. Но не тянуло.

Сергей помнил, как мать улыбнулась его словам.

– Это возраст, Витя, – сказала она. – Мне хочется купаться только тогда, когда Сережа привозит меня на море. Я стала очень привередлива к пляжам, мне нужно, чтобы там было мало народа и чисто.

– И мне достаточно реки, – ответил Виктор. – Приезжайте ко мне, искупайтесь в серебряных струях, потом попейте чайку с горными травами – и вы поймете, что ничего лучше на свете нет.

Почему они с матерью так мало у него бывали? Размышляя об этом, Сергей выехал за город, любуясь морем, которое неожиданно открылось, как голубая лента. Он любил эту дорогу, пролежавшую по обрыву, и, глядя на море, подумал, что давно пора открыть купальный сезон. Говорят, вода уже градусов двадцать, в самый раз – бодрящая, но не холодная. К концу лета море нагревалось до двадцати семи, и в такую воду не хотелось заходить – она просто не ощущалась.

«Надо набраться храбрости и пригласить Марину», – решил он, вспомнив красивую однокурсницу, в которую был влюблен в студенческие годы и даже делал предложение. Разумеется, красавица его отвергла: что было у Сергея тогда? Квартира, где он жил вместе с мамой? Зато предложение богатенького Паши Битова она приняла с удовольствием, молодые поженились, и больше он о них не слышал. Отец Паш-

ки, один из крупных бизнесменов Южноморска, обещал сыну и невестке обустроить их в Москве, и Ивашов очень удивился, встретив Марину несколько месяцев назад в центре родного города. Она постарела, на лице появились морщинки, но все равно осталась красивой.

– Здравствуй, Марина. – Он почувствовал, как сердце забилось от волнения, как несколько лет назад, когда он решился предложить ей руку и сердце.

– Ивашов? – она сразу узнала его и улыбнулась, немного грустно. – Рада тебя видеть.

– Вы с Пашей приехали повидаться с родными? – спросил он, ища глазами Битова. Было время, когда супруг следовал за ней, как тень.

– С Пашей? – удивилась она. – Ты разве ничего не знаешь?

– А что я должен знать? – он покраснел.

– А то, – в тон ему ответила женщина, – что я уже три года не имею к Битову никакого отношения. То, что так красиво начиналось, очень плохо закончилось. Я была самой красивой девушкой Южноморска, но не Москвы. Тамошние красавицы и бизнес-леди вскружили моему мужу голову. Мне надоели многочисленные измены, и я уехала. Теперь жду, пока благоверный подаст на развод, только он не торопится. А ты чем занимаешься?

– У меня адвокатская практика, – ответил Сергей. – Кстати, бракоразводными процессами я тоже занимаюсь.

Она покачала головой:

– Я сама юрист, если ты еще помнишь. Тружусь юрисконсультком в одной фирме. Платят неплохо – и ладно.

Тогда Ивашов не решился предложить ей хотя бы прогуляться по городу и сейчас об этом жалел. Хорошо, взял ее визитку. Теперь есть телефон девушки, о которой он когда-то мечтал. Интересно, согласится Марина пообедать с ним? Думая о ней, он не заметил, как въехал в дачный поселок, и чуть не проскочил добротный дом дяди Виктора.

Молодой человек нажал на тормоз, и любимая машина, недовольно взвизгнув, остановилась у забора из красного кирпича. Ворота сразу распахнулись, будто дядя Виктор ждал его во дворе (наверное, так и было), и плотный мужчина небольшого роста, с большими добрыми голубыми глазами и волнистыми густыми светлыми волосами, вышел на дорогу. Сергей вылез из салона – и попал в его крепкие объятия.

– Здорово, Сереженька. – Дядя Виктор светился от радости. – Как же давно я тебя не видел! Но я тебя не обвиняю, что забыл старика. Сам хорош! В городе часто бываю, а позвонить тебе недосуг. Столько проблем с этим бизнесом! – Он, наконец, отпустил гостя и подтолкнул к воротам:

– Да ты проходи, проходи. Я мясо еще утром замариновал в томатном соке. Помнишь, твоей матери этот рецепт подсказала коллега по работе? Мне понравилось, я только так и делаю. А мяско парное, у нас один татарин разводит баранов.

Сергей прошел на огромный участок – тридцать соток.

Мать рассказывала, что дядя Виктор, собираясь строить дом, скупил несколько участков у пенсионеров, уезжавших в город к детям. Несмотря на отсутствие домработницы, все сияло чистотой и ухоженностью. Виктор начал разводить цветы, да так этим увлекся, что ездил в соседние города за рассадой и семенами.

– Эх, жалко, матери твоей нет в живых, – сокрушался он. – Как часто я возил ей букеты роз. Она очень любила сорт «глория», – хозяин коснулся одного из цветков на большом розовом кусте. Цветок был действительно красив: кремовый, с розовым оттенком, к тому же умопомрачительно пах. – А я любил суп, который она мне готовила. Кроме шашлыка я приготовил и его. Кстати, дорогой, ты помнишь, каким супом угощала меня твоя мама, когда я к вам приезжал?

Ивашов наморщил лоб, вспомнив, что матери никогда не нравилась его привычка так думать.

– У тебя прекрасная кожа, – говорила она. – Зачем ты портишь ее морщинами?

– Какая разница, есть у мужика морщины или нет, – усмеялся Сергей. – Всегда говорили, что шрамы украшают мужчину.

– Поверь, когда тебе стукнет лет сорок, ты захочешь продолжать хорошо выглядеть, – уверяла его мать. – Посмотри на своего отца. Он никак не может успокоиться. Я слышала, он сделал несколько пластических операций.

Сергей отмахивался:

– Ерунда!

Сейчас он подумал, что отдал бы многое, чтобы мать еще раз укорила его за привычку. Дядя Виктор, конечно, ничего не заметил. Он сам постоянно морщился.

– Так помнишь? – повторил дядя Виктор.

– Кажется, это был... – Ивашов замялся, – борщ.

Честно говоря, он ничего не вспомнил. Борщ любила мама. Вполне возможно, она угощала им дядю Виктора. Однако мужчина покачал головой и недовольно буркнул:

– Очень жаль, что не помнишь. Она всегда к моему приходу варила суп с фрикадельками. Знаешь, моя жена тоже его часто делала, но фрикадельки не получались у нее такими нежными. Потом выяснилось, что она не добавляла свинину. – Он улыбнулся добро, грустно. – Ладно, пройдем на веранду. Хочу тебя удивить. Сегодня я решил приготовить суп с фрикадельками.

Ивашов заморгал от удивления.

– Надо же! Я не ожидал!

– Проходи, проходи, – Виктор подтолкнул его на веранду, как он говорил, самое любимое место в доме после сауны.

Ухоженная, уставленная цветами и вьющимися растениями, она напоминала летний сад. Стол и несколько стульев стояли среди зелени. Здесь всегда было прохладно и уютно. К веранде прилегала ванная комната, и Сергей вымыл руки. Виктор отлучился. Вскоре он принес дымящуюся кастрюлю, тарелки с причудливым узором уже стояли на столе, лож-

ки лежали рядом, в хлебнице румянились лепешки. Сергей знал, что дядя Виктор никогда не покупал хлеб в магазине. Он платил татарину, проживавшему за речкой, и тот делал для него лепешки на тандыре.

– Ну, начнем священнодействовать, – приятель отца взял поварешку, зачерпнул ароматный суп и разлил по тарелкам. – Угощайся, дорогой. Я понимаю, что никогда не сделаю ничего похожего на суп твоей мамы, но я старался...

Сергей с удовольствием попробовал. Он почувствовал голод.

– Великолепно! Вы просто кулинар!

– Не преувеличивай, – усмехнулся Виктор. – Кстати, твой отец тоже любил суп с фрикадельками. Он вообще любил все, что готовила Дина.

– Свежо предание, а верится с трудом, – Сергей улыбнулся какой-то вымученной улыбкой. – Он бросил нас – и этим все сказано.

Дядя Виктор положил ложку на стол и нагнулся к Ивашову.

– У мужчин бывает такое, – примирительно сказал он. – Вроде бы дома все хорошо и поэтому скучно. А когда жена привыкает к тому, что может появляться перед мужем в домашнем халате и стертых тапочках, хочется чего-то...

– Чего? – встрепенулся Сергей. – Другую бабу?

– Ну зачем так грубо, – поморщился Виктор. – Паршиво, но даже не знаю, как тебе объяснить, чтобы ты меня понял.

– Попробуйте, если это возможно, – Сергей снова принялся за еду.

– Знаешь, Сережа, у меня тоже были любовницы, – признался Виктор и покраснел, как мальчишка. – Я не ушел от Зинаиды, потому что понял, что страсть – это далеко не любовь. Страсть со временем проходит. Знаешь, ее можно сравнить с огнем. Его может потушить вода, ветер, он может потухнуть сам, когда все сгорит дотла. А любовь – это крепкое чувство. Настоящая любовь со временем только крепнет. У нас с Зиной была настоящая любовь.

– Значит, мой отец не испытывал к матери ни страсти, ни любви, – констатировал Ивашов. – Впрочем, возможно, страсть и была – в самом начале их отношений. Но не любовь.

Виктор пожал плечами.

– Трудно ответить на этот вопрос, – произнес он, прикоснувшись к кончику острого носа. – Может быть, ты мне не поверишь, но однажды отец сказал: мол, он очень жалеет, что развелся с твоей матерью. Ты в курсе, что он приходил и просил прощения? Галина его не простила, выгнала вон. Потом он мне говорил, что волочился за молодыми бабами по привычке. Ни одну он не любил, даже страсти не было. Когда твой отец решил жениться на Анфисе, я уговаривал его этого не делать. Анфиса, хотя и безумно красивая, – типичная хищница. Ей от него ничего не было нужно, кроме денег. Впрочем, он это понимал и не написал завещания. Не

удивлюсь, если скоро ты познакомишься с молодой женой своего бати. Вы оба – претенденты на наследство.

– Мне ничего не нужно, в отличие от Анфисы, – буркнул Сергей. – Пусть забирает все.

– Тц-тц-цт, – поцокал языком Виктор, таким образом выражая несогласие. – Я бы на твоём месте не торопился. Ты должен взять хотя бы часть наследства, чтобы поставить матери приличный памятник.

– Я сам на него заработаю, – процедил Ивашов. – Точнее, уже заработал.

Виктор пожал плечами:

– Как хочешь... Но ты можешь кое-что сделать для меня?

– Конечно, – кивнул Сергей. – Что именно?

– Пойдем со мной. – Виктор потянул его в дом, обставленный новой мебелью, с евроремонтom. Внутри не было ничего вычурного, такие дома часто показывают по телевизору, причем живут в них не самые богатые герои.

– Поднимайся на третий этаж, – попросил мужчина. Когда они остановились у деревянной полированной двери, Виктор открыл ее с благоговением:

– Проходи. Это моя святая святых.

Сергей вошел в комнату с некоторым трепетом. Интересно, что он увидит у приятеля отца? Египетские мумии? Однако вместо мумий он словно оказался в святая святых часовых дел мастера. Каких часов тут только не было! И старинные, швейцарские, и большие каминные, и настенные, даже

советские, с кукушкой.

– Вы что, собираете часы? – удивился Сергей. – Вот уж не ожидал.

– Об этом знал только твой отец, – признался Виктор. – Зина не дожидла до того времени, когда меня сразила страсть к часам. Началось все довольно банально. Один знакомый – твой отец знал его – привез мне из Швейцарии старые часы. Казалось бы, положи их на полку и забудь, – мужчина загадочно улыбнулся. – Ты не представляешь, что произошло. Они внушили мне страсть к коллекционированию. До этого дня я никогда ничего не коллекционировал. А тут сорвался, бросился к антикварам, стал скупать все подряд... Только потом остановился, начал читать литературу и гоняться за дорогими вещицами. Вот что удалось собрать за три года...

– Поразительно! – вздохнул Ивашов. – Никогда бы не подумал... Хотя почему бы нет... Но при чем тут я?

– Видишь ли, – Виктор доверительно положил на плечо молодому человеку горячую тяжелую руку, – твоему отцу достались по наследству от одного уголовника (ну, не совсем по наследству, за оказанные услуги) одни часы, брегет. Знаешь, что такое брегет?

– Конечно, – Ивашов наклонил голову. – Странно. Отец ничего об этом не говорил. Мне кажется, мать бы знала. Вы ничего не путаете?

– Да что там знать! – отмахнулся Виктор и посмотрел куда-то в сторону. – Часы старые, но недорогие, не особо цен-

ные. Поэтому я и прошу тебя их забрать, если решишь отдать все Анфисе. У меня останется память о друге – это раз, и два – пополнится моя коллекция.

– Заметано, – пообещал Сергей. – Думаю, Анфиса согласится отдать мне единственную вещь, и то не очень ценную.

– Спасибо, – обрадовался Виктор. – Понимаешь, твой отец и сам бы мне их подарил, только не успел.

– Охотно верю, – кивнул Ивашов, и мужчина похлопал его по плечу. – Идем в сад. Кроме супа с фрикадельками, я замариновал мясо, ты об этом знаешь. Поможешь сделать шашлычок?

Ивашов развел руками:

– Вы меня закармливаете.

– Да что ты... – поразился Виктор. – Мой стол не ломится от закусок. Слушай, оставайся у меня ночевать. Отсюда не так далеко до города. Завтра у тебя есть работа?

– Работа всегда есть, вопрос в том, насколько она интересна, – поморщился Сергей, и опять его лоб прорезала морщина. – Что ж, думаю, приму ваше предложение. До смерти не хочется садиться за руль.

Виктор обрадовался и, как ребенок, хлопнул в ладоши:

– Тогда что скажешь о наливочке? Сливовая, сам делал.

– Только немного, – Ивашов улыбнулся. – Ну, пойдете в сад. Шашлычка что-то захотелось.

Они вышли на участок. Время близилось к шести, и в саду умопомрачительно пахли розы, флоксы и другие цветы, на-

звания которых Сергей не знал. Виктор притащил казанок с мясом, шампуры, и они вдвоем принялись нанизывать пахнущие приправами куски, перемежая их маринованным луком.

– В томатном соке... – вздохнул Ивашов, – по ее рецепту... Знаете, я будто общаюсь с родным человеком... Вы были так близки с ними. Спасибо, что поддерживали маму.

– Мне было приятно с ними общаться, – Виктор положил шампур на мангал. Красные, кровавые угольки тлели в серой золе. – Кстати, Олег в последнее время увлекся геокешингом. Тебе известно, что это такое?

– Слышал, – отозвался Сергей с неожиданным интересом. – Серьезно, он этим занимался?

– И с радостью, с фанатизмом, – Виктор пригладил волосы. – Хотел в это дело втянуть меня. Я не втянулся, хотя вообще игра интересная. Говорят, ее придумали пираты. Ну, не конкретно геокешинг, а нечто похожее. Тебе известно, что они прятали сокровища, отмечая место, чтобы найти его позже. Современные технологии, скажем GPS, позволяют поднять эти действия на совершенно новый уровень. Но было у него и другое пристрастие. – Дядя Виктор тепло улыбнулся и взглянул вверх. – Олег стал сильно набожным, таким набожным, что исповедовался и причащался каждую неделю. А еще он совершал паломнические поездки, звал меня, но я как-то не удосужился составить ему компанию.

– А я так и не пообщался с отцом, не узнал о его пристра-

ствиях, – вздохнул Сергей и потупился. – Простить себе не могу... Он хотел мне о чем-то сказать, о чем-то важном. Я подумал, что речь пойдет о наследстве, но уже не уверен. Возможно, отец не знал, как начать разговор, и решил сказать о том, что мне было неприятно, наверное, думал: мне, как и многим молодым людям, нужны деньги, и упоминание о них создаст доверительную атмосферу.

Виктор внимательно слушал, наклонив красивую голову. Его глаза были добрыми и печальными.

– Я так думаю потому, что ради наследства отец не стал бы приглашать меня в ресторан, – продолжал Сергей. – Мог бы позвонить, а мог бы ничего не говорить до своей смерти. Нет, теперь я уверен, что он хотел сказать мне совсем другое. А я не дал ему возможности. Никогда себе это не прощу.

Тяжелая рука друга отца в который раз ласково потрепала по плечу молодого человека.

– Не казни себя, – произнес Виктор, перевернув шампур. – Есть такое изречение, не знаю чье, кажется, Омара Хайяма: «Нельзя ни о чем жалеть в этой жизни. Случилось – сделали вывод и живите дальше».

Сергей криво улыбнулся:

– Да, Омара Хайяма, я знаю эту фразу, только мне от этого не легче. Не легче, потому что его убили. Может быть, я мог бы ему помочь, и он остался бы жив.

– Не говори ерунду, – буркнул мужчина и снова перевернул шампур, уже другой. – Я не знаю, как его убили, но уве-

рен, что дело не обошлось без криминалитета. Сколько раз я предупреждал его, чтобы не связывался с бандитами, но он меня не слушал. Они, видите ли, хорошо ему платили.

– Его отравили, – сказал Сергей дрогнувшим голосом.

Виктор схватил его за локоть:

– Откуда ты знаешь?

– Я это видел, – прошептал Ивашов и побледнел. В памяти возник тот страшный день, проклятый Микки-Маус и Шахерезада. – Ему подсыпали яд в бокал.

– Кто? – Виктор чуть не уронил шампур с подрумянившимся шашлыком. – Ты видел убийцу?

Вздыхнув (воспоминание было неприятно молодому человеку), Ивашов рассказал мужчине все: и о Микки-Маусе, и о Шахерезаде.

– Подсыпать могли только они, вернее, только аниматор, – твердо произнес он. – Я все вычислил. Завтра пойду к следователю, который почти обвинил меня в убийстве, и постараюсь все же доказать свою непричастность.

– Обвинил тебя? – снова удивился Виктор. – Но это же нелепо...

– Вы же знаете, какие встречаются следователи, – проговорил Сергей. – Им лишь бы побыстрее закрыть дело.

– Да знаю, конечно, – буркнул Виктор. – Ладно, это мы переживем. Если этот так называемый следователь пристанет к тебе, звони мне. С моими связями я смогу тебе помочь. – Он взял шампур и положил его на огромное белое блюдо. –

Кстати, шашлыки уже готовы. Мы с тобой не так напились, чтобы разговаривать только о работе. Давай передохнем, еще пропустим по рюмочке и разделаемся с шашлыками.

Сергей не возражал. Они проговорили до полуночи, в основном говорил Виктор, вспоминая молодость и родителей Ивашова. И приятное тепло разливалось по телу молодого человека, почувствовавшего в дяде Викторе, которого он так давно знал, родственную душу. В ту ночь он спал спокойно и был благодарен за это пожилому мужчине, так много сделавшему для его несчастной матери.

Глава 9

Вознесенск, 1965

Беспальцев, накладывая на блюдечко яблочное варенье, заботливо приготовленное женой, думал о том, что Панков, минуту назад покинувший кабинет, подтвердил его худшие подозрения. Будченко ни с того ни с сего скончался от остановки сердца, так же как и Гольдберг, и это наводило на мысли о втором убийстве. Значит, нужно как можно скорее поговорить с соседями и с матерью рецидивиста, которая обещала сегодня приехать.

С сожалением отодвинув стакан с чаем и варенье, Беспальцев накинул пальто и вышел из отделения. На улице моросил мелкий дождик, мокрые серые деревья сбрасывали последнюю листву. Разноцветные листья шуришали под ногами, промозглый ветер бросал их под ноги, жонглировал ими. Один лист, самый наглый, зацепился за пальто следователя, и он небрежно смахнул его на землю. Беспальцев подошел к сиротливо стоявшему возле входа в отделение желтому служебному автомобилю. Водитель Паша, молодой парень, рыжий, веснучатый, как Антошка из мультфильма, с такими же включенными волосами, открыв капот, копался во внутренностях машины.

– Знаю, что вы собрались ехать, – произнес он виновато.

то, – только подвела нас наша красавица. Битый час вожусь с ней и не могу найти причину, почему она не заводится. Придется вызывать мастеров.

Геннадий подумал, что работники милиции всегда испытывали недостаток в хорошем транспорте. Иногда из-за поломки машин преступников приходилось везти в троллейбусе или автобусе. Ну куда это годится?

– Извините, пожалуйста, – промолвил Павел, пряча глаза, словно зная за собой какую-то вину в неисправности автомобиля. Беспальцев махнул рукой:

– Да ладно тебе, Паша. Нам всем известно, как ты хохлишь и лелеешь это чудо. Если и произошла неполадка, то не по твоей вине. И за меня не беспокойся. Мне недалеко. Троллейбусом доберусь.

Он не лукавил: на его счастье, дом Будченко действительно находился недалеко от отделения.

– Спасибо вам. – Раскрасневшийся от напряжения парень широко улыбнулся, показав все тридцать два желтоватых зуба.

– Брось. – Геннадий развернулся и пошел к остановке.

Дождь усилился и уже вовсю барабанил по спине и плечам. Как назло, троллейбуса не было полчаса, а когда он наконец пришел и гостеприимно распахнул двери, следовательно чертыхнулся, увидев набитый салон. Однако делать было нечего, пришлось влезть и утвердиться на второй ступеньке, хватаясь за воздух. Две толстые эсеницы с огромными

кошелками тотчас назвали его бездельником и посоветовали устроиться на работу, чтобы днем не занимать общественный транспорт. Беспальцев ничего не ответил, вдыхая запах сырости и пота. К счастью, ехать было всего две остановки.

Когда подошла очередь выходить, следовательно с удовольствием выпорхнул из троллейбуса и зашагал по слякоти между частными домами. А вот и дом Будченко. Интересно, приехала ли его мать? Остановившись у деревянных, некогда крашенных зеленой краской, а теперь донельзя облупившихся ворот, Беспальцев постучал, немного подождал, но ему никто не открыл. Значит, мать покойного еще не вернулась. Сделав два шага вперед, Геннадий нажал на черную кнопку звонка на дверях соседа, подержал, прислушавшись, и отпустил только тогда, когда в коридоре кто-то зашаркал.

– Кто это еще? – недовольно буркнули за дверью, и Геннадий произнес дежурную фразу:

– Откройте, милиция.

Мужчина в куртке с капюшоном на голове не заставил его ждать, сразу открыл и впустил непрошеного гостя в коридор, уставленный какими-то сумками.

– Вы насчет Олега? – поинтересовался он чуть хриплым, будто простуженным голосом, и Беспальцев кивнул.

– Нетрудно догадаться, – вздохнул сосед и скинул капюшон, словно позволяя разглядеть себя: пожилой, но еще

крепкий, про таких говорят «без возраста», коренастый, с круглым, почти без морщин лицом и редкими, прореженными седой волосами. – Заходите в дом. Правду болтают соседи, что Олега убили?

– Возможно, – уклонился Геннадий от прямого ответа, пройдя в темную нетопленную прихожую (дрова, что ли, хозяин жалел?), и достал удостоверение. – Майор Беспальцев. Скажите, вы давно знаете семью Будченко?

– А меня Михаил Иванович зовут. – Они пожали друг другу руки. – А паршивца-то этого я давно знаю, считай, с рождения. И знаете, что удивительно? Был такой хороший воспитанный мальчонка класса до шестого, а потом как подменили. Я считаю, Анна в этом виновата, мать его. Оно, конечно, и ее понять можно. Как мужа потеряла, на двух работах пахала, каждую копейку берегла для сыночка. А воспитание что – только одеть, обусть и накормить?

– Мы порой забываем, что и это немаловажно, – проговорил Геннадий и поежился от сырости. Тонкое пальто промокло и охладило спину и плечи. Хотелось скинуть его и плюхнуться в горячую ванну. – Знаете, я тоже вырос без отца: он погиб на фронте. Мне и матери помогли соседи. Мать тоже работала с утра до ночи. Да кто в то время не работал! Соседи подкармливали меня, порой проверяли уроки. Мать разрешила давать мне подзатыльники, если они заметят, что я хулиганю. Однако я не получил ни одного подзатыльника. Соседи старались почаще разговаривать со

мною, если я, по их мнению, поступал неправильно, они беседовали, объясняли, почему я не прав. В результате получил высшее образование, потом стал следователем. Вот почему, когда мне говорят, что мать или отец в одиночестве воспитали преступника, мне хочется крикнуть: «А где же были вы, доброжелатели? Трудно было поговорить с парнишкой и наставить на путь истинный?»

Сосед ничего не ответил.

– Ладно, – Беспальцев будто разрезал ладонью сырой воздух. – Давайте ближе к делу. Много людей приходило к Олегу? Сможете их описать?

Михаил Иванович задумался:

– Приходили, только не скажу, что много. Как Олег в последний раз освободился, только одного гостя у него и видел.

Геннадий напрягся, лоб пересекла морщина:

– Когда это было?

– Дня три назад, – твердо ответил Михаил Иванович. – Я этого гостя, к сожалению, плохо разглядел, темно было, а я по нужде из дома без очков выскочил. Крепкий такой, широкоплечий, вроде с бритой головой. Одно точно могу сказать – не из нашего района. Местных я хорошо знаю. Кстати, он как меня увидел, сразу в дом юркнул.

– Фоторобот составить сможете? – на всякий случай поинтересовался Геннадий, хотя знал ответ.

Сосед горестно вздохнул:

– Рад бы помочь нашей милиции, да... Не хочу вводить в

заблуждение.

– Все равно спасибо. – Майор крепко пожал протянутую руку и вышел на улицу, едва не столкнувшись с двумя женщинами в темных платках на голове. Одна, маленькая, худенькая, едва передвигала ноги, издавая звуки, похожие на сдавленные рыдания, а вторая, повыше, покрепче, шептала: «Тихо, тихо», – и будто направляла ее к соседнему дому. Беспальцев понял: худенькая – мать Будченко, и шагнул наперерез:

– Здравствуйте. Вы мама Олега Будченко?

Худенькая громко зарыдала, уткнув нос в большой клетчатый носовой платок, а вторая женщина, с круглым лицом и курносым носом, недовольно заметила:

– Она-то мать, а вы кто будете? Гости, знаете, как-то не вовремя.

– А я и не гость. – Геннадий достал спасительное удостоверение. – Майор Беспальцев. Занимаюсь делом ее сына.

Несчастливая мать отняла платок от лица и тихо, почти шепотом, спросила:

– Вы из милиции?

Беспальцев кивнул:

– Да, я следователь.

Она нервно икнула и охнула:

– Если делом Олежки занимается следователь, значит...

– Мы хотим исключить убийство, – закончил за нее майор. – Знаю, что вас зовут Анна Тимофеевна. Это есть в его

личном деле. — Он дотронулся до ее руки. — Сочувствую вашему горю и все же настаиваю на разговоре. Если вы нам поможете, мы быстрее выясним причину смерти вашего сына.

Подруга матери Будченко (майор окрестил ее про себя: «Бой-баба») затрясла головой:

— Совести у вас нет. Неужто не видите, в каком она состоянии? Денька через три приходите. Говорят, когда усопшего земле предашь, его родным легче становится.

— Я могу прийти и через неделю, но тем самым дам преступнику фору в семь дней, — парировал Беспальцев и повернулся к ним спиной, делая вид, что уходит. Анна Тимофеевна вцепилась в мокрый рукав его пальто и сказала срывающимся голосом:

— Помолчи, Матрена. Ежели Олежку какой-то супостат жизни лишил, найти его надо как можно скорее. — Дрожащей маленькой ручкой с голубыми жилками она отперла калитку и впустила следователя: — Заходите. А ты, Матрена, попозже загляни.

Бой-баба бросила на майора уничтожающий взгляд и растворилась в промозглой дождевой дымке. Анна Тимофеевна отперла входную дверь и впустила непрошеного гостя:

— Вы тут небось все знаете. Проходите в большую комнату. Там ведь Олежку нашли?

Она без сил опустилась на диван с когда-то веселой (красные цветы на зеленом поле), но давно выцветшей обивкой, не снимая мокрого пальто. — Товарищ следователь, у вас есть

дети?

– Две дочери, – ответил Геннадий, вспомнив своих белокурых красавиц.

– Две – это хорошо, – женщина всхлипнула, сдерживая рыдания. – Девочки – это тоже хорошо. Замуж выйдут, внуков вам подарят. Я, пока с мужем жила, не сподобилась второго родить, выпивал мой крепко. До Олежки он еще крепился, а после как с цепи сорвался. Глушил ее, проклятую, меня смертным боем бил. И побоялась я подарить Олегу брата или сестру. Все думала: какой ребенок родится? Теперь жалею. Не позволила бы я ему алкоголиком стать и после смерти Олежка не осталась бы одна-одинешенька в этом доме. Сколько раз Олежку говорила: «Женись, дай внучков понянчить», – да только он меня не слушал. Видать, по их волчьим законам жениться нельзя. Теперь и внуков у меня никогда не будет.

Она снова зарыдала, и Геннадий, зная, где находится кухня, проворно вскочил, отыскал на маленьком столике, застеленном клеенкой с ножжевymi порезами, чистый (оставшись один, ее сын не утруждал себя мытьем посуды) стакан и, налив воды из крана, понес в комнату. Схватив стакан, женщина жадно выпила, немного успокоилась, нервная дрожь, сотрясавшая ее худенькое тело, стала меньше, хотя и не отпустила совсем.

– Дружков сына вы знали? – поинтересовался Беспальцев, с жалостью глядя на женщину. Он всегда жалел матерей

преступников, несмотря на то, что многие в их отделении обвиняли их не меньше, чем их отпрысков. По его мнению, ни одна мать не желала сыну тюрьмы, и в том, что они там оказывались, виноваты были не только родители, но и другие люди, вовремя не протянувшие руку помощи.

– Не было у него хороших друзей, – откровенно выдохнула она. – Как из тюрьмы пришел, все его забыли. Я целыми днями пилила его: «Олег, начинай новую жизнь, на работу устройся». А он мне: «Кто меня, судимого, возьмет?» Я пыталась возразить: «Хотя бы попробуй». Сын огрызался: «Чего прицепилась? В этом проклятом городе меня каждая собака знает, даже грузчиком не устроиться». Вот почему он в Одессу отправился, там у него какой-то дружок был, сидели вместе, Георгием звали.

– Значит, там он тоже не устроился, раз вернулся? – уточнил майор.

– Да кому он в Одессе-то нужен? – запричитала мать. – После тюрьмы, кроме меня, вообще никому. Вот и жили на мою пенсию. Я его не корила, думала: пройдет время, успокоится – и найдет работу. Или милиция заставит его устроиться. Впрочем, он сам иногда говорил: «Мать, не плачь, век на твоей шее сидеть не буду. Георгий обещал помочь, только подождать придется». Тот ему действительно письма слал, но я не понимала, радовался мой сын им или нет: он их в пепельнице сжигал.

– А что писал друг, вы пытались узнать? – спросил Бес-

пальцев. Женщина закивала, и голова затряслась на тонкой шее:

– Пыталась, как не пытаться. Он на меня набрасывался: «Не твоего ума дело».

– Анна Тимофеевна, вы видели эти письма, – продолжал Геннадий. – Может, адрес ненароком запомнили?

Она снова покачала головой:

– Нет, к сожалению. Конверты помню, только он, когда письма забирал, сразу от меня их прятал, будто без него я собиралась с этим Георгием связаться.

Она начала всхлипывать, потом разрыдалась, и Геннадий, попытавшись задать ей еще несколько вопросов и убедившись, что больше несчастная ничего не знает, поспешил оставить бедную женщину наедине с ее горем. Впрочем, почему наедине? Сейчас придет Матрена, а там, глядишь, и пол-улицы заявится. Менталитет у нашего народа такой – любят посочувствовать, а вот порадоваться за кого-то не всегда получается.

Выйдя на улицу, он с наслаждением подставил лицо холодным каплям. Осенний дождь освежал, словно холодный душ, помогал привести в порядок мысли, бодрил, и Беспальцев бодро зашагал к остановке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.